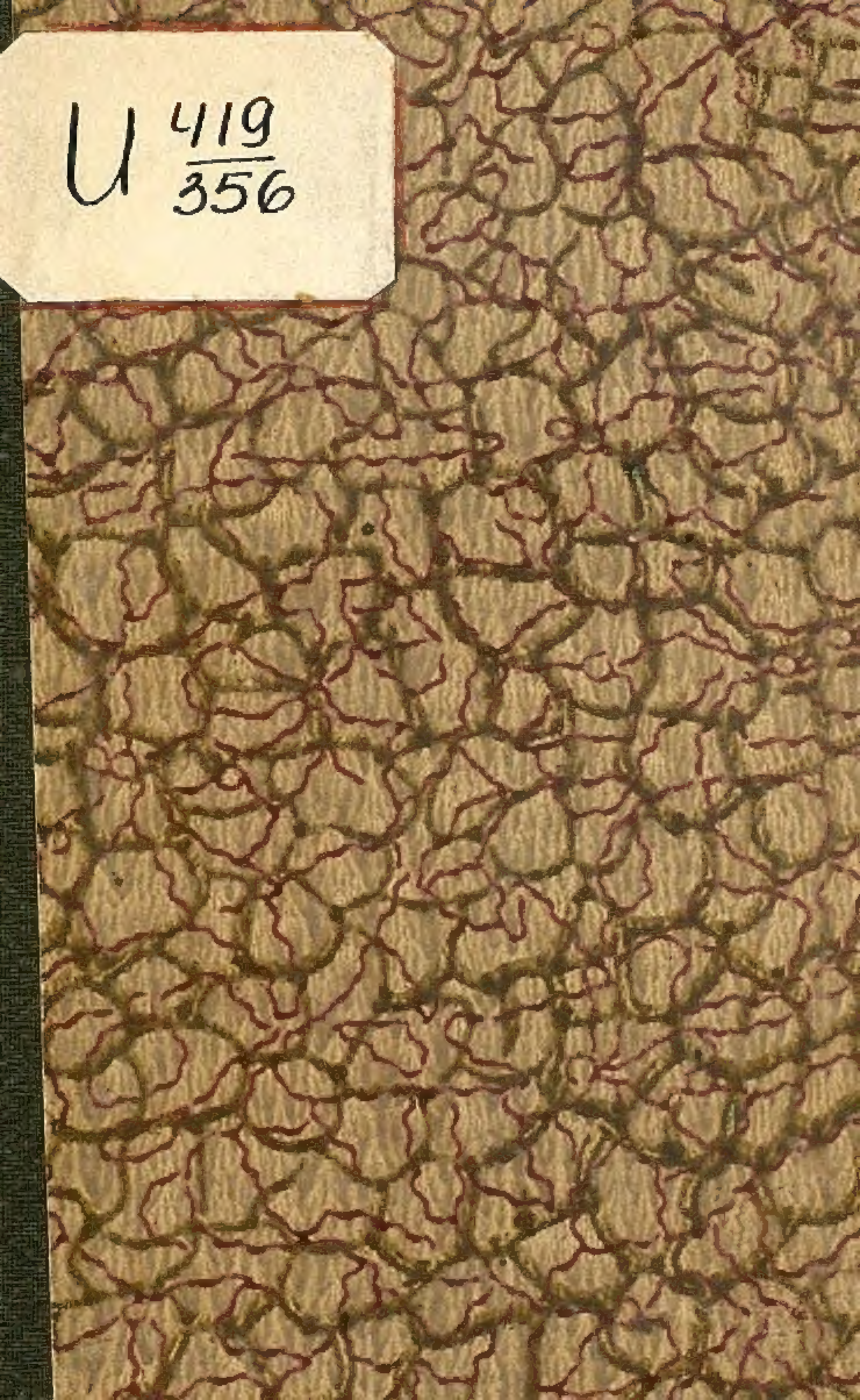
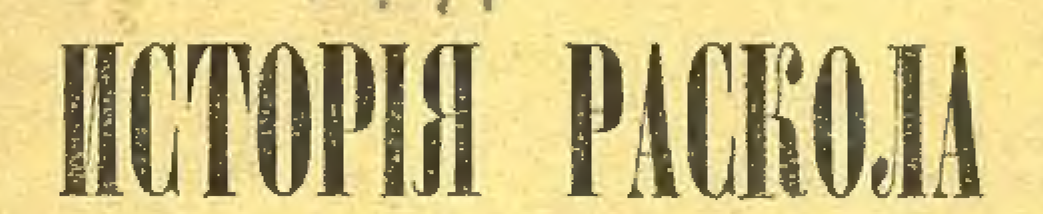

ИСТОРІЯ РАСКОЛА

О

БЕЗПОПОВЦАХЪ.

МОСКВА.

1867.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

РАСКОЛА

О

БЕЗПОПОВЦАХЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи «Русскихъ Вѣдомостей».
1866 года.

Дозволено Цензурою. Москва, августа 12 дня, 1866 года.

РАСКОЛЪ.

Раскольники, или старовѣры, зовутъ насъ, православныхъ, никоніанцами. Вотъ главная причина почему большинство полагаетъ, что расколъ начался со временъ патріарха Никона, собственно со времени исправленія имъ священныхъ книгъ. Но подобное мнѣніе не совсѣмъ справедливо. Расколъ въ Россіи появился еще задолго до упомянутаго патріархa, да и самъ Никонъ едвали дѣлалъ какія либо исправленія въ церковныхъ книгахъ. Онъ только присутствовалъ на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1654 году по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича; на этомъ соборѣ было только рѣшено исправить книги. Въ 1655 году Алексѣй Михаиловичъ созвалъ вторично соборъ, на которомъ повѣряли и сводили печатныя россійскія книги съ древними славянскими переводами и греческими подлинниками; но кончить дѣла и на семъ соборѣ все-

таки не успѣли; Никонъ же, оставивъ патріаршій престолъ, отошелъ въ уединеніе. Окончательное исправленіе книгъ послѣдовало уже въ 1667 году, на третьемъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ государь, патріархи александрійскій Паисій, антіохійскій Макарій, съ митрополитами, архіепископами и епископами восточной церкви, а также и новопроизведенный въ томъ году въ патріархи Іоасафъ московскій. Ежели Никону приписать мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ, начало ихъ исправленія, то и это будетъ несправедливо. Попытки исправить описки и ошибки въ книгахъ начались гораздо ранѣе. Еще въ 1518 году государь великій князь Василій Іоанновичъ, по совѣту Варлаама митрополита московскаго, послалъ грамоту въ гору Аѳонскую, и просилъ святогорскихъ старцевъ прислать въ Россію знающаго человѣка для исправленія церковныхъ книгъ. Присланъ былъ извѣстный Максимъ, родомъ грекъ. Съ этою же цѣлію въ 1550 году царь Іоаннъ Васильевичъ, по прозванію Грозный, созвалъ соборъ, извѣстный подъ именемъ *Стоглава*; а въ 1564 году повелѣлъ завести въ Москвѣ типографію. Это благое начало типографскаго дѣла положило конецъ неисправностямъ переписчиковъ нашихъ церковныхъ книгъ.

Изъ всего сказаннаго, можно заключить, что патріархъ Никонъ далеко не былъ причиною основанія раскола; что онъ почти не участвовалъ въ исправленіи церковныхъ книгъ и, наконецъ, что расколъ получилъ свое начало гораздо ранѣе. Вотъ почему намъ кажется, что для читателей *Русскихъ Вѣдомостей* будетъ не совсѣмъ безъинтересно, ежели мы, пользуясь историческими достовѣрными документами, прослѣдимъ исторію раскола, разумѣется въ краткомъ изложеніи. Приступая къ этому изложенію, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что въ статьѣ нашей не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія вступать по этому предмету въ полемику съ кѣмъ бы то ни было, а желаемъ отнестись къ этому замѣчательному событію совершенно покойно, приводя на видъ публики одну только фактическую сторону раскола.

Съ очень древнихъ временъ въ Россіи появились еретики и лжеучители подъ именемъ *стригольчиковъ*, которые разсѣевали раздоры повсюду, а преимущественно въ Новгородѣ и Псковѣ. Когда это стало извѣстно на востокѣ, то вселенскіе патріархи писали посланія къ стригольникамъ, обличая ихъ ересь и увѣщевая присоединиться къ православной церкви. Преподобный Іосифъ игуменъ Волоколамскій, скончавшійся въ

1516 году, сочинилъ книгу подъ названіемъ «Просвѣтитель», въ которой содержатся возраженія противъ новогородскихъ еретиковъ и довольно подробно разсказывается начало и происхожденіе стригольниковъ; согласно съ этою книгой говоритъ о стригольникахъ и древній рукописный «Хронографъ». Мы прилагаемъ здѣсь небольшія выписки изъ этихъ двухъ книгъ для нѣкотораго уяспенія о стригольникахъ. «Въ лѣто 6979 (1471), во дни княженія великаго князя Іоанна Васильевича, егда новгородцы закрамолишася, тогда пріиде къ нимъ па княженіе князь Михаилъ Ольговичъ, съ нимъ же пріиде жидовинъ именемъ Схорія, иже прежде въ Кіевѣ живый. Сей жидовинъ прельсти Дениса попа и въ жидовство его преврати; Денисъ же приведе къ тому же жидовину Алексѣя протопопа, еще тогда попа суща на Михайловской улицѣ, и того также христіанскія вѣры отступника сотвори. Потомъ же иніи изъ Литвы пріидоша жидове, имена же имъ Моисей, Шмой, Іосифъ Ханущъ; Алексѣй же и Денисъ толико возлюбиша ихъ, еже всегда съ ними быти изволиша, и не токмо сами жидовству прилежаще, но и жены и чада своя на се приведоша, хотяща же и обрѣзатися въ жидовскую вѣру; жидове же не повелѣша, глаголюще яко отъ христіанъ увѣдають про васъ и будете обличены.

Премѣниша же имена христіанскія, Алексѣя нарекоша Авраама, а жену его Сарру. Потомъ же Алексѣй многихъ на жидовство преврати, зятя своего Ивашка Максимова, и отца его попа Максима; такоже и Денисъ попъ многихъ преврати отъ поповъ и отъ діаконовъ и отъ простыхъ людей; потомъ превратиша и софійскаго протопопа Гавріила, и Гридю ключаря; Гридя же научи жидовству Григорія Тучина, его же отецъ Туча въ Новгородѣ имѣя велику власть, и многихъ научиша жидовству: Мишука Собаку, Васюка Сухова, Лавреша, Ѳеодора, Василія, поповъ Покровскихъ; да попа же Іакова, да Юрку Семенова сына Долгова, Стефана Крылошанина, Ивана попа Воскресенскаго, попа Наума; діаконовъ, Макарія Муху и многихъ другихъ...

Въ 1480 году, сказано далѣе въ «Просвятителѣ», егда бысть въ Новѣградѣ князь великій Іоаннъ Васильевичъ, тогда взя Алексѣя попа къ Москвѣ на протопопство къ церкви Пречистыя Богородицы честнаго Ея Успенія; а Дениса попа къ Михаилу Архангелу, и сіи скверніи множество христіанскаго народа на Москвѣ въ жидовство превратиша.... Въ лѣто же 1485 поставленъ бысть великому Новгороду и Пскову священный Геннадій. Сей убо аки левъ разтерзая ногты, и сихъ сокрушая, и о камень

разбивая: они же на бѣгство устремишася и къ Москвѣ прибѣгоша, и ту готову помощь Алексѣя протопопа, и Дениса попа обрѣтоша, и къ тому уже многихъ и на Москвѣ прельстившихся; и отъ черицовъ нѣкоего архимандрита Зосиму, и по немъ черица Захарія; потомъ же и отъ двора великаго князя, Ѳедора Курицына, да діаконовъ крестовыхъ, Истому, да Сверчка, да отъ купцовъ же Семена Кленова, и тѣ иныхъ многихъ научиша жидовствовати. По Геронтіи же митрополитѣ Истома діаконъ, прежде умертвія своего, подойдя лестію Державнаго и поставляетъ на великомъ святительскомъ престолѣ Зосиму *скверного*. Въ 1490 году архіепископъ Генадій присылаетъ къ Державному и къ митрополиту Зосимѣ о хулѣ и о поруганіи честнымъ крестомъ, и божественнымъ иконамъ: уже бо мнози еретицы въ Новѣградѣ и на Москвѣ явишася тогда. Слышавши же русскія земли святители и собрашася вси; ростовскій архіепископъ Тихонъ, суздальскій Нифонтъ, рязанскій Симеонъ, тверской Васіанъ, сарскій Прохоръ, пермскій Ѳилоѳей; также архимандриты, и игумены и весь священническій соборъ русскія митрополіи; и пріидоша къ митрополиту Зосимѣ, еще имъ извѣстно не ведущимъ о немъ, яко той есть начальникъ и учитель еретикомъ. Зо-

сима же творящеся христіанская мудрствовати, и повелѣ новогородскіе еретики на соборѣ проклинати, Гавріила протопопа, Алексѣя и Дениса попа Архангельскаго и всѣхъ еретиковъ. Тогдаже множество еретиковъ переимаше, и повеленіемъ державнаго послани быша въ великій Новъгородъ къ архіепископу Генадію; онъ же посла противъ ихъ за 40 поприщь посаждати ихъ въ сѣдла вьюжныя, и одежды ихъ повелѣ превращати на изворотъ, и хребтами ко главамъ конскимъ, а на главы ихъ повелѣ шлемы берестены остры и высоки полагати, и лицами къ конскимъ заднимъ ногамъ посаждаху ихъ, яко да зрятъ на западъ во уготованный имъ огнь, а на шлемахъ вѣнцы соломяны съ сѣномъ смѣшаны, а мишени на шлемахъ писаны черниломъ: *сіе есть сатанино воинство*; и повѣлѣ ихъ водити по граду, и сретающимъ повелѣ плевати на нихъ и глаголати: сіи врази Божіи и хульницы христіанстіи, и вѣры православныя; и потомъ повелѣ шлемы на главахъ ихъ зажигати. И тако пастырь добрый еретическій полкъ посрами; и прочія устраши, ако да зряще на позоръ сей уцѣломудрятся; и такъ зліе еретицы въ заточеніе осуждаются и во изгнаніе....... Въ лѣто 1505-е... пожгоша новгородскихъ еретиковъ Волка Курицына, и Васіана игумена новгородскаго и иныхъ многихъ еретиковъ».

Казалось бы зло должно было пресѣчься отъ такихъ крайне жестокихъ мѣръ Геннадія, но въ то же почти самое время, по сказанію же Іосифа, появился нѣкто Карпъ, діаконъ, прозываемый *стригольникъ*, который, будучи отставленъ отъ церкви, произвелъ не меньшіе прежнихъ раздоры и смуты. Онъ клеветалъ на всѣхъ епископовъ, говоря, что они благодать священства продаютъ за деньги, за поставленіе въ попы берутъ взятки; что попы лихоимствуютъ въ свою очередь и тѣмъ благодать Духа Святаго отгоняютъ. Карпъ произносилъ и многія другія хулы на церковь и ея служителей, чѣмъ и учинилъ великій соблазнъ и произвелъ расколъ. Многіе патріархи, каковы напримѣръ Антоній цареградскій, Ѳилаѳей цареградскій же, Фотій митрополитъ кіевскій, Симеонъ новогородскій и другіе, писали увѣщательныя посланія къ новгородскимъ и псковскимъ отступникамъ, но ничто не помогало, и расколъ пускалъ свои корни глубже, расширялся все болѣе и болѣе.

Слѣдовательно расколъ, послѣ жидовства, начался подъ видомъ благочестія. Лжеучители клеветали на епископовъ, главное въ томъ, что ставленники по посвященіи и въ проѣзды архіерея давали ему деньги. Но обычай этотъ былъ древній и нимало въ то время не предосудительный, дозволенный

самими государями, въ доказательство чего мы приводимъ выписку изъ грамоты царя Іоанна Васильевича. Обычай поборовъ былъ уничтоженъ Геннадіемъ же, архіепископомъ новгородскимъ, сообща съ митрополитомъ московскимъ Симеономъ и другими епископами, въ 1503 году. Приводимъ приэтомъ изъ «Хронографа» выписку объ уничтоженіи пошлинныхъ съ священства денегъ.

«Въ лѣто 7011 (1503) пріиде къ Москвѣ Генадій архіепископъ великаго Новгорода и Пскова и соборовата на Москвѣ съ митрополитомъ Симеономъ, и со архіепископы и епископы, и совсѣмъ освященнымъ соборомъ, и повелѣша вдовымъ попамъ и діаконамъ на митрополита, рекше не служити: такоже уставиша отъ поставленія у поповъ и діаконовъ, и у всякаго чина священнаго и иноческаго, и отъ мѣстъ церковныхъ по правиламъ святыхъ отецъ мзды и поминковъ, рекше посуловъ не имати, и на томъ граммату утверженную написаша, и руки своя приложили, и печати привѣсиша.»

Выдержки съ грамоты царя Іоанна Васильевича о доходахъ архіерейскихъ.

Этой грамотой, по жалобѣ псковитянъ, освобождены были отъ архіерейскихъ поборовъ всѣ посадскіе и пригородніе, игумены, попы діаконы и т. д., кромѣ четырехъ монастырей. А какъ велики были эти поборы въ

продолженіи одного мѣсяца видно между прочимъ изъ слѣдующаго перечня: «и ему (архіерею) имати у нихъ за свой, и за людской, и за консkій кормъ и за всякій мелкій расходъ на тотъ мѣсяцъ по двѣсти рублей, московскою (монетой); а подъѣздъ ему свой у нихъ имати было со всякаго игумена, и съ попа, и съ дьякона по полтинѣ, по новогородской.. ....» По Генадіевой же грамотѣ: «съ плеши по полтинѣ, да по пятнадцати денегъ; да корму на всякое день, по полтораста калачей, да по пятидесяти хлѣбовъ денежныхъ, да по сороку гривенъ за мясную вологу (провизію), да за рыбу по сороку денегъ, да по двѣ бочки меду русскаго: а не любъ медъ, ино за двѣ бочки полтина; да и рублевая гривенка перпу, да рублевая жь гривенка пшена сорочинскаго, да по безмѣну меду русскаго; а коли у архіепископа пиръ, то по двѣ гривенки перцу и пшена, по два безмѣна меду, пудъ соли, масло коровье и конопляное, яица, сыры, крупы житныя, уксусъ, лукъ, крошиво поварамъ; а солоду на квасъ сколько надобѣ; да за свѣчи вощаныя полутретьядцать денегъ, да по двѣ свѣчи восковыхъ литыхъ, да по сту свѣчь сальныхъ, да по пятнадцати зобней овса, по пятнадцати возовъ сѣна, по пятнадцати возовъ дровъ, по возу лучины; а соломы подъ коней сколько надобѣ....»

Въ началѣ нашей статьи мы упомянули о Максимѣ Грекѣ. Этотъ ученый монахъ Вотопедскія обители въ 1518 году былъ отправленъ въ Москву святогорскими старцами; былъ принятъ съ подобающею честію и поселенъ въ Чудовомъ монастырѣ. Максимъ разсматривалъ и повѣрялъ наши книги съ греческими подлинниками и прежними славянскими переводами; нашелъ въ нихъ много неисправностей, описокъ, недописокъ, излишней приписи и другихъ погрѣшностей, которыя въ продолженіи девяти лѣтъ старался исправить, но кончить этого полезнаго дѣла неуспѣлъ. Зависть и злоба оклеветали ученаго мужа и Максимъ подвергся изгнанію въ Троицкій Сергіевскій монастырь. Вся интрига противъ Максима, полагать надо, была, главное, отъ стригольниковъ. Максимъ писалъ въ свое оправданіе и защиту, доказывалъ правоту своихъ дѣйствій, но все было напрасно, и онъ скончался въ заключеніи въ 1555 г.

Въ 1550 году, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, желая привесть къ окончанію дѣло исправленія церковныхъ книгъ, начатое его отцомъ посредствомъ Максима, но не конченное, повелѣлъ собрать соборъ, извѣстный подъ названіемъ Стоглава, на которомъ присутствовалъ самъ государь съ Макаріемъ митрополитомъ московскимъ и вообще

съ знаменитымъ духовенствомъ русскимъ. По многостороннемъ обсужденіи этого дѣла, рѣшено было: такъ какъ божественныя книги пишутъ у насъ писцы съ неисправленныхъ переводовъ, а написавъ сами—не правятъ, отчего описка къ опискѣ прибываетъ; такъ какъ по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ читаютъ, поютъ и учатся, то, чтобъ отъ такого небреженія и нерадѣнія не понести гнѣва Божія, опредѣляемъ и повелѣваемъ во всѣхъ городахъ, ежели гдѣ въ церквахъ окажутся книги неправленныя, чтобы ихъ съ *добрыхъ* переводовъ исправлять, но по нимъ отнюдь не служить...

Подъ великимъ запретомъ приказано было писцамъ неисправленыхъ книгъ не продавать, и никому таковыхъ не покупать. Но какъ ни строго было опредѣленіе собора, въ точности исполнить его было невозможно; во первыхъ потому, что ученыхъ людей и училищъ Россія тогда не имѣла, о чемъ и самъ соборъ въ главѣ 25 о дьяцѣхъ свидѣтельствуетъ: «попы граматъ мало умѣютъ потому, что и сами отцы ихъ и мастеры мало же умѣютъ, и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ»; вовторыхъ потому, что и сами тѣ, которымъ поручено было стараться объ исправленіи книгъ соборнѣ, то есть протопопы и священники наши, не зная греческаго языка,

приступить къ тому не могли, или, быть можетъ, и не хотѣли. Слѣдовало бы конечно посовѣтываться съ Максимомъ, который былъ тогда еще живъ. Но злоба и интрига стригольниковъ не допустили его даже до собора. Дѣло и здѣсь было отложено до будущихъ лучшихъ временъ.

Государь Іоаннъ Васильевичъ, ревнуя о благоустроеніи церкви, и желая, чтобы книги во всемъ государствѣ были исправныя, покрайней мѣрѣ однообразныя, повелѣлъ въ Москвѣ основать въ 1564 г. типографію.

Въ 1584 г. Іоаннъ Васильевичъ скончался. Сынъ его Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣлъ Іереміи патріарху цареградскому, бывшему тогда въ Москвѣ, поставить Іова митрополита московскаго патріархомъ всероссійскимъ. Этотъ первый патріархъ прилагалъ все свое стараніе къ исправленію книгъ; но не имѣя людей къ тому способныхъ, что видно изъ книги Октоиха, вышедшаго въ 1592 г. на листѣ 92 говоритъ: «Хотящихъ святыя сія книги прочитати или переписывати любезно молимъ васъ милостиви намъ будите, и незазрите ума нашего немощи и недоумѣнію, понеже и вы требуете милости отъ Бога и отъ человѣкъ: тогожде прощенія и благословенія и намъ сподобляйте».

Этотъ же патріархъ въ 1602 году, въ цар-

ствованье Бориса Годунова, издалъ «Служебникъ,» на послѣднемъ листѣ котораго пишетъ, между прочимъ: «........ И еже въ кiихъ гранесахъ не довѣдѣ, и вы добре и съ хитростiю исправляйте, не поношая другъ дру а; и Богъ мира да будетъ съ вами, и спасетъ всѣхъ васъ и насъ молитвами вашими.»

Въ 1610 г. послѣ исторiи самозванцевъ, второй патрiархъ всероссiйскiй Гермогенъ издалъ, напечатный въ большомъ форматѣ, церковный уставъ, въ предисловiи котораго также сказано: «... Милостиви намъ будите, и незазорливе ума нашего немощи и недоумѣнiю; сами же сподобльшеся отъ Богатодавцы большихъ дарованiй духовныхъ исправляйте... Молю убо вы, меня недостойнаго ненаученiя ради не возненавидите, ни поносите; но паче яко праведницы, накажите милостiю, и обличите. Готовъ есмъ прiяте паче, нежели грѣшника, елеомъ главу мою мастяща. Ибо училища мало видѣхъ, не своею волею дерзнухъ на сiе, и отрещися отнюдь невозмогохъ, и дѣлахъ, елико могахъ, умаленiемъ и смысла.» Въ этомъ же церковномъ уставѣ, на листѣ 158, написаны и нѣкоторыя перемѣны и прибавленiя противъ прежнихъ книгъ и все-таки съ оговоркою.

Изъ приведенныхъ нами выписокъ при

выпускѣ церковныхъ книгъ, довольно ясно видно съ какою осторожностью и осмотрительностью дѣлались исправленія въ книгахъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо со стороны исправителей, что иногда самая явная, видимая описка, какъ слѣдуетъ исправленная, производила смуты въ массахъ народа. Само собою разумѣется, что народъ былъ мало повиненъ въ религіозныхъ волненіяхъ; онъ не болѣе, не менѣе какъ поддавался только вліянію лжеучителей, частію дѣйствовавшихъ, какъ увидимъ ниже, изъ фанатизма, упрямства или невѣжества, частію изъ личныхъ выгодъ.

Въ первой статьѣ нашей о расколѣ мы говорили, что иногда исправленія явной описки порождали смуты, въ подтвержденіе чего приводимъ слѣдующее. Святѣйшій патріархъ московскій Филаретъ, въ грамотѣ своей, между прочимъ, пишетъ: когда въ Москвѣ былъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то я спрашивалъ его, какимъ образомъ въ молитвѣ, читаемой при освященіи богоявленской воды, вкрался *прилогъ*: *огня*, то есть: «самъ человѣколюбецъ царь пріиде пришествіемъ святаго твоего духа и освяти воду сію духомъ твоимъ святымъ и *огнемъ*.» Между тѣмъ какъ въ древнихъ переводахъ, въ письменныхъ служебникахъ и потребникахъ, объ *огнѣ* не упоминается.

Өеофанъ отвѣчалъ, что въ греческихъ книгахъ такой рѣчи нѣтъ, а что говорится только: «духомъ твоимъ святымъ», что необходимо исправить и въ русскихъ книгахъ эту ошибку, то есть выкинуть слово *огонь*.

На слѣдующій годъ съѣхалось духовенство греческое и русское, привезены были для справокъ объ этой молитвѣ книги, въ которыхъ дѣйствительно объ огнѣ не было и помину. Весь соборъ опредѣлилъ это слово изъ книгъ, какъ слово приписное, уничтожить, подъ страхомъ отлученія поповъ и діаконовъ отъ священническаго сана, ежели они не будутъ слѣдовать новому должному положенію и не замараютъ чернилами, какъ было соборомъ предписано, въ книгахъ слово *огонь*. Это должное исправленіе, само собою разумѣется, въ невѣжественныхъ массахъ народа, подъ невѣжественнымъ толкованіемъ стригольниковъ, только сильнѣе раздуло пламя раскола.

Расколъ, главное, началъ сильно распространяться во время Междуцарствія, то есть во времена Лжедмитріевъ. Многіе, оставя свою родину, спасалися бѣгствомъ и скрывались, гдѣ только могли. Такъ нѣкто изъ новгородскихъ помѣщиковъ, князь Борисъ Александровичъ Мышицкій, во время царствованія Шуйскаго, оставя свои по-

мѣстья, ушелъ въ Заонѣжскую поморскую область, гдѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Іоанномъ скрылся и жизнь въ монашествѣ покончилъ. Внукъ послѣдняго, Порфирій, съ сыномъ Іаковомъ, также переселился на мѣсто, называемое Повѣнецъ, извѣстное во всемъ поморскомъ округѣ; поживши въ Повѣнцѣ нѣкоторое время, умеръ; Іаковъ же, хотя происходилъ и изъ стариннаго рода и извѣстенъ былъ при дворѣ, но дѣтей своихъ, Прокопія и Діонисія, воспитывалъ не такъ, какъ требовало ихъ происхожденіе, а въ крайнемъ невѣжествѣ и грубости, которыя и были причиною, что они, во время исправленія церковныхъ книгъ, много безпокойствъ и затрудненій надѣлали царю Алексѣю Михаиловичу. Отъ Прокопія родился Петръ, а отъ Діонисія Андрей и Семенъ— главные олонецкіе лжеучители. За ними, какъ видно изъ записокъ поморскихъ перекрещиванцевъ, слѣдовали другіе славные основатели и учители раскольническихъ сектъ, появившіеся во время Алексѣя Михаиловича и при началѣ патріаршества Никона, то есть около 1654 г. Эти учители были лишенные, строгостію Никона, своихъ сановъ протопопы Иванъ Нероновъ и Даніилъ, а главное Аввакумъ съ ученикомъ своимъ діакономъ Θеодоромъ. Эти люди были заражены такимъ же духомъ фанатизма, а иног-

да и буйства, какъ и стригольники. Къ этимъ основателямъ надо присоединить и современнаго имъ Павла, бывшаго епископа коломенскаго, который у всѣхъ раскольниковъ почитается за перваго страдальца и исповѣдника. Андрей Денисовъ говоритъ о Павлѣ: «яко нѣкій Моусей и Ааронъ, посланныя Божіимъ изволеніемъ на утвержденіе новаго Израиля, то есть беззлобивыхъ и безбоязненныхъ поморскихъ людей, и даже нѣкое время пребывъ, свободно поучаше народы, утверждая ихъ жити въ святоотеческомъ благочестіи, и нововышедшихъ уставовъ Никоновыхъ блюстися наказуя.»

Павелъ былъ осужденъ греческими патріархами и россійскими архіереями, и обличенъ въ суевѣрномъ раскольническомъ умствованіи; и когда, по многомъ увѣщаніи, не хотѣлъ сознаться въ своемъ заблужденіи, то, по лишеніи архіерейскаго сана, былъ сосланъ въ заточеніе въ поморскіе края, въ Палеостровскій монастырь, гдѣ въ своемъ невѣжествѣ и упрямствѣ и умеръ.

При жизни еще Павловой появился нѣкто Досифей, игуменъ Тихвинскаго Никольскаго, такъ называемаго Бесѣднаго монастыря. Этотъ бѣглецъ, скрываясь въ Поморіи, прежде одинъ разсѣвалъ ученіе Павлово; а потомъ, собравъ толпу подобныхъ себѣ, распространилъ оное по всѣмъ олонецкимъ

краямъ. Между тѣмъ и Аввакумовы послѣдователи дѣйствовали. Они, разсыпавшись по государству, кто куда могъ, вездѣ смущали простой народъ. Въ то же время эти мятежники, при помощи астраханскихъ измѣнниковъ, бывшихъ изъ партіи Стеньки Разина, захватили въ свои руки Соловецкій монастырь, гдѣ, укрѣпясь, бунтовали въ продолженіи семи лѣтъ, и ни на какія увѣщанія, присылаемыя отъ государя, не сдавались. Вотъ что повѣтствуетъ Игнатій, митрополитъ сибирскій, жившій около того времени, объ этомъ происшествіи. «Прибѣгоша въ Соловецкую обитель, окаяннаго Богоотступника и чародѣя, донскаго казака Стеньки Разина спомощниками воры изъ Астрахани: а егда въ обитель внидоша, тогда убо уже братству, инокомъ, и бѣльцемъ волю всю отъяша, и поставиша себѣ начальниковъ, Фадейка Кожевника, и Ивашка Сарафанова; и начаша быти во всемъ противны не токмо святой церкви хулами, но и благочестивѣйшаго царя не восхотѣша себѣ въ царя имати.... Тіи же отступницы донскіе казаки подтверждаху ихъ глаголяще: постойте братіе за истинную вѣру, и не креститеся тремя персты, еже есть, рекоша, печать Антихристова....»

Казаки притворялись, не болѣе; они замышляли всю братію истребить въ удобное

время, монастырь, какъ славившійся богатствомъ, ограбить, и бѣжать. «Но, продолжаетъ Игнатій, святіи чудотворцы жительство свое передъ Богомъ воспомянуша, и вложиша мысль благочестивому государю Алексѣю Михайловичу; и посла къ той обители воеводу, далъ ему нѣколико воинство: тій же пришедше на островъ, и оныхъ проклятыхъ казаковъ осадиша, и по многомъ стояніи обитель паки восприяша (взялъ), и оныхъ проклятыхъ отступниковъ казни предаша въ лѣто 1676, января 22-е,» то есть черезъ пять лѣтъ послѣ казни начальника ихъ Стеньки Разина.

Вотъ каковы и вотъ кто были въ Соловецкомъ монастырѣ основатели мнимой старой вѣры нашихъ старообрядцевъ. Не монахи и не послушники со слугами и сторожами семь лѣтъ бунтовали, а астраханскіе разбойники, сообщники Разина, не болѣе. А потому напрасно Семенъ Денисовъ въ своемъ описаніи осады Соловецкаго монастыря причисляетъ разбойниковъ, замышлявшихъ даже истребить иноковъ и ограбить монастырь,—къ страдальцамъ за вѣру.

Въ 1682 году въ Москвѣ, въ стрѣлецкихъ полкахъ сдѣлалось возмущеніе. Въ это время, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, нѣкто попъ Никита, прозываемый Пустосвятомъ и лишенный правъ священства, под-

говоря разныхъ бродягъ, разстриженныхъ монаховъ, выгнанныхъ подьячихъ и крѣпостныхъ господскихъ людей, началъ въ Москвѣ разсѣвать по домамъ разныя бредни и подбирать къ себѣ отовсюду партію, подъ видомъ защищенія старой вѣры. Такъ какъ Никита жилъ въ Стрѣлецкой слободѣ, то, вошдя въ дружбу съ нѣкоторыми начальниками, увлекъ на свою сторону многихъ стрѣльцовъ и безъ того склонныхъ къ бунту. Никита ходилъ съ ними по торгамъ, кабакамъ и харчевнямъ, возмущая народъ и крича: постойте, постойте, православные, за истинную вѣру, не принимайте новой вѣвы, ибо нѣтъ уже православной церкви и прямая вѣра погибе на землѣ, ибо антихристъ насталъ.

Народъ, увлекающійся иногда величайшими нелѣпостями, собирался отвсюду и приставалъ къ изувѣру; честные граждане, будучи поражены страхомъ, уклонялись по возможности прочь, а невѣжды и люди безпокойные умножали толпу мятежниковъ. Пустосвятъ часто приходилъ па Красную площадь и на такъ называемое Лобное мѣсто, кричалъ и подучалъ народъ, чтобы бывшаго тогда патріарха Іоакима, архіереевъ и все духовенство, какъ слугъ антихристовыхъ, побить наголову.

А чтобъ смятеніе было покрыто видомъ

набожности, то возмутители таскали съ собою кресты, иконы и книги, показывая народу и говоря, что все это изъ церкви выброшено, и отъ истинной вѣры отступлено.

«Выходите сюда, кричали патріарху и архіереямъ, выходите на Лобное мѣсто о вѣрѣ прется.» А какъ патріархъ не хотѣлъ жертвовать жизнію въ угоду безумію, то бунтовщики опять неистово кричали: «наша правая вѣра, не могутъ ничего говорить съ нами.» Наконецъ, въ одинъ день, во время патріаршаго въ Успенскомъ соборѣ священнослуженія, мятежники огромной толпой вошли въ Кремль, остановились у Архангельскаго собора, поставили аналогіи, положили на нихъ евангеліе, крестъ, иконы, множество книгъ, ругательныхъ своихъ тетрадей и лицовыхъ свитковъ, которые показывали и читали народу; натаскали приэтомъ скамей, зажгли восковыя свѣчи, которыя мужики держали предъ анологіями, и съ воплемъ начали требовать, чтобъ государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи повелѣли имѣть дѣло съ патріархомъ о вѣрѣ. Патріархъ со всѣмъ соборомъ, находясь въ великомъ страхѣ, выслалъ на увѣщаніе къ мятежникамъ спасскаго протопопа Василья и еще одного священника, съ книгами и съ поученіемъ, нарочно на тотъ случай состав-

леннымъ. Но мятежники бросились на нихъ и убили бы, еслибъ посланные не успѣли убѣжать къ патріарху, который послалъ тотчасъ къ государямъ извѣстить о бунтѣ и просить покровительства.

Ихъ величества немедленно повелѣли патріарху со всѣмъ соборомъ придти въ Грановитую палату на разговоръ съ безпокойными. Патріархъ, одинадцать митрополитовъ, пять архіепископовъ, два епископа, съ достаточнымъ количествомъ архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства, взявъ съ собою нѣсколько древлеписанныхъ харатейныхъ и другихъ греческихъ и россійскихъ книгъ, явились къ государямъ. Съѣхалось множество бояръ и другихъ знатныхъ лицъ. Никита съ сообщниками, будто не понимая куда пришелъ, не оказалъ даже должнаго почтенія къ государямъ и ихъ высокой фамиліи, но въ бѣшенствѣ надѣлалъ множество безчинствъ, шуму и ругательствъ такихъ, что и передать трудно.

А когда Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій, сильнѣе другихъ началъ дѣлать возраженія и доказывать невѣжество возмутителей, то Никита бросился на него, крѣпко ударилъ въ грудь и убилъ бы, еслибъ не былъ удержанъ царскими охранителями.

Когда Никита и его сообщники вышли изъ палаты, то еще болѣе взбѣсились, и,

поднимая руки, кричали народу: «побѣдили, и одолѣли никоніанъ; отселѣ не слушайте ихъ, православные, и не ходите въ церковь. Такимъ образомъ, съ криками и злохуленіемъ, дошли до Лобнаго мѣста, гдѣ Никита былъ пораженъ падучею болѣзнію. Наконецъ онъ преданъ былъ суду и казненъ на Красной площади съ другими сообщниками.

Здѣсь кстати сказать, что большею частію основатели раскола пребывали въ крайнемъ невѣжествѣ, и хотя мечтали о себѣ, что знали святое писаніе, но въ дѣйствительности это была не болѣе какъ одна мечта. Вотъ напримѣръ замѣчательное письмо знаменитаго Аввакума, которое онъ написалъ о Троицѣ къ ученику своему діакону Ѳедору: «Да слышитъ сынъ мой духовный Ѳедька отщепенецъ, отъ Никоніанъ рукоположенецъ: блудишь сице пиша и глаголя о святѣй Троицѣ: несѣкомо есть, и нераздѣльно лице каждо другъ друга; не такъ, не бляди комуждо особно есть сидѣніе Отцу и Сыну и Духу Святому; не спрятавши сидятъ три Цари небесные.»

Подобнымъ же образомъ этотъ лжеучитель бредитъ о воплощеніи Богочеловѣка Сына Божія: «Якоже бо слово отъ души раждается, и паки въ человѣка не возвращается, такъ и Сынъ отъ Отца родися, а во чрево Отче не возвратися.

И о душѣ тогожь слѣпотою говоришь, слушать нечего; глаголеши бо се трисоставну; не такъ, не бляди: вси святіи научаютъ, яко душа единорасленна и тѣлесовидня, умъ, слово и духъ ангелъ нѣкій, чистѣйшій духъ, душа, но и плотовидна есть, единовидна, и единосоставна, а не трисоставна.»

Въ другомъ посланіи къ Игнатію, соловецкому черному діакону, Аввакумъ еретичествуетъ такъ: «Зря Игнатій соловьянинъ, и вѣруй трисущную Троицу несякомую, сѣки не бойся, едино на три существа, тожде и естества, и образы три равны, на трое течетъ источникъ Божества, по Арію не рцы: три естества не равны, но равны естества, добрѣ и существа, не шевели больше того.»

Достаточно для читателей и этихъ писемъ, чтобъ показать невѣжество, грубость и закоснѣлость раскольническихъ учителей, которыхъ противники наши превозносятъ похвалами, скрывая, разумѣется, отъ вновь вступающихъ всѣ подобныя басни и нелѣпости. Вотъ какова была система расколооснователей; и вотъ каковы были обожаемые даже нынѣшнимъ поколѣніемъ раскольниковъ ихъ страдальцы. Возвратимся однако къ происшествіямъ, послѣ Никиты происходившимъ.

Въ Москвѣ, изъ числа мятежниковъ, попъ Косьма отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, не желая подвергнуться участи Пустосвята, подговорилъ съ собою изъ своего прихода человѣкъ двадцать и бѣжалъ съ ними въ 1668 г., въ сопровожденіи бывшихъ тогда въ Москвѣ казацкихъ старшинъ, въ Малоросію, въ стародубовскій полкъ, въ село Понуровку, при рѣкѣ Ревнѣ. Здѣсь вскорѣ объ немъ разнесся слухъ, что этотъ святитель странствуетъ ради только поддержанія старой вѣры. Множество простаго народа приходило къ Косьмѣ въ тѣхъ видахъ, что при немъ можно легче содержать древнее благочестіе. Косьма принималъ приходящихъ слѣдующимъ образомъ: кто родился послѣ Никона и крещенъ по исправленнымъ книгамъ, тѣхъ крестилъ вторично; а которые имѣли старое крещеніе, тѣхъ мазалъ только мvромъ, о которомъ увѣрялъ, что оно былъ стараго освященія. Такимъ образомъ Косьма первый научалъ растлѣвать тайну крещенія повтореніемъ. Перекрещиванье же производилось слѣдующимъ образомъ: желающій вступить въ такъ называемую старую вѣру долженъ былъ исполнить сороводневный постъ, въ теченіи котораго выслушивалъ всю службу, по ихъ уставу положенную, и клалъ по 300 земныхъ и по 700 поясныхъ покло-

новъ. По исполненіи этого, *оглашенный* приходилъ къ своему крестителю и объявлялъ, что онъ кончилъ епитимію и проситъ крещенія; тогда одинъ изъ книжныхъ, то есть одинъ изъ крылошанъ шепчетъ оглашенному на ухо, чтобъ онъ приносилъ просьбу со слезами и приготовилъ бы холстъ аршинъ въ 25—30, на такъ называемыя ризки къ перекрещиванью. Взявъ оглашеннаго въ часовню, книжный читаетъ ему по требнику отрицанія отъ сатаны, и отъ ересей,—читаетъ молитвы, и проклинаетъ еретиковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, поименно; затѣмъ новокрещенный раздѣвается до-нога и своими руками снимаетъ съ себя крестъ, означая тѣмъ произвольное отрѣченіе отъ прежняго крещенія, и перемѣняетъ имя, принимая новое.

Наконецъ креститель, подвязавъ новокрещенца подъ-мышки холстомъ, опускаетъ въ воду. Новоприходящіе, прежде нежели сподобятся перекрещиванья, принимаютъ отъ наставниковъ слѣдующія заповѣди, съ клятвою хранить ихъ во всю жизнь.

1. Съ еретики ни въ чемъ и ни подъ какимъ видомъ не сообщаться, ни въ молитвѣ, ни въ пищѣ, ни въ питіи.

2. О своей вѣрѣ съ никоніянами не спорить, подъ запретомъ тяжкаго наказанія епитиміи.

3. Страдальцевъ, (о которыхъ выше упомянуто), каковы Аввакумъ, Никита и т. п. защищать вездѣ и во всякое время.

4. Внѣшнихъ, то есть никоніанъ, ни въ чемъ не хвалить, и ни о чемъ, хотя бы справедливомъ и честномъ, не разсуждать.

5. Иконъ новыхъ, кромѣ своихъ мастеровъ, ни откуда не принимать, и не кланяться кромѣ древнихъ.

6. Пищу для себя самимъ въ домахъ готовить, а покупаемое на торгу очищать поклонами.

7. Седьмь поклоновъ (началъ) всегда и во всякомъ мѣстѣ только у своихъ полагать.

8. Всѣхъ людей, кои не ихъ согласія, за еретиковъ вмѣнять, и ни въ чемъ никого не одобрять.

9. Въ торговую баню отнюдь не ходить, а изъ своей, вышедъ, полагать 100 поклоновъ.

10. Всякую покупаемую на торгу вещь очищать поклонами. Передъ никоніанами и нѣмцами можно лгать, можно никоніанина и обмануть, какъ нѣмца.

Здѣсь кстати упомянуть, что стригольники, во время Ивана Васильевича, бѣжавъ изъ Новгорода и Пскова за границу, поселились частію въ Польшѣ, а частію на земляхъ, принадлежащихъ Швеціи, откуда

имѣли сношенія съ раскольниками, жившими внутри Россіи. По прошествіи достаточнаго времени нѣкоторые изъ этихъ бѣглецовъ присоединились къ уніи, а нѣкоторые, мучимые совѣстью, пожелали обратиться къ православной церкви. Изъ послѣднихъ былъ нѣкто попъ Иванъ, уроженецъ города Коломны. Онъ, соединясь съ церковью, привлекъ къ себѣ многихъ, и началъ внушать удалившимся изъ отечества суевѣрамъ, что и имъ надобно обратиться къ оставленному православію, и принять таинства, каковы: исповѣдь, причащеніе, священство и бракъ,—таинства, отвергнутыя ихъ предками. Услышавъ объ этомъ, новгородцы озлобились и, согласясь съ своими многими московскими единомышленниками, сдѣлали сходбище, на которомъ положили сіе благое начало разрушить, и людей, жившихъ за границею, вновь въ расколъ обратить. Вслѣдствіе чего отправленъ былъ съ грамотою извѣстный развратникъ Θеодосій Васильевъ, отъ котораго послѣ Θеодосѣевская секта и названіе свое получила. Θеодосій съ товарищами отправился за Нарву, гдѣ много людей совратилъ и поколебалъ.

Вскорѣ за Косьмою пришелъ въ тотъ же край, то есть въ Маллороссію, въ Стародубъ, изъ Бѣлева попъ Стефанъ съ сыномъ своимъ Димитріемъ, и поселился въ слободѣ

Митьковкѣ. Стефанъ приходящихъ къ нему принималъ безъ перекрещиванья, въ чемъ онъ и расходился съ Косьмою, хотя въ остальномъ во всемъ согласовался. Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей повелѣно было начальниковъ раскола въ тѣхъ мѣстахъ отыскивать; почему Стефанъ вмѣстѣ съ Козьмою бѣжали въ Польшу. Они поселились въ Вѣткѣ, въ области пана Холецкаго, жили вмѣстѣ и отправляли службу въ простой избѣ; но впослѣдствіи между ними явилась вражда. Косьмѣ хотѣлось непремѣнно завести при своемъ мольбищѣ колокольный звонъ, а Стефанъ о томъ и слышать не хотѣлъ, говоря, что это дѣло опасное и что такъ какъ настали послѣднія времена, то не для чего и колоколовъ заводить. Косьма однакоже остался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи и, добывъ колокола, повѣсилъ ихъ на звонницу. Стефанъ побоялся колокольнаго звона, оставилъ Косьму, отошелъ нѣсколько далѣе, построилъ себѣ келью и жилъ особо.

Послѣ этого явился Тверской эпархіи чернецъ Іоасафъ, который, черезъ происки и разныхъ ходатаевъ, склонилъ своего архіерея посвятить его въ попы по старымъ книгамъ. Имя этого архіерея, какъ говорится, покрыто мракомъ неизвѣстности. Іоасафъ былъ посвященъ по старому часов-

нику, и, получа старинное рукоположеніе, бѣжалъ къ раскольникамъ и таскался по многимъ мѣстамъ, отыскивая себѣ паству, но къ несчастію своему нигдѣ ее не находилъ, потому что хоть былъ поставленъ и по старинѣ, но отъ новаго архіерея. Несчастный Іоасафъ прибѣгнулъ съ жалобою на свою участь къ своему духовнику. Духовникъ Іосафовъ склонилъ нѣкоторыхъ къ принятію его, говоря, что нѣтъ причины, по которой бы Іоасафъ заслуживалъ отверженія; а сверхъ того велѣлъ сомнѣвающимся кинуть жребій. Жребій выпалъ; вѣроятно было такъ подстроено, чтобъ Іоасафу священнодѣйствовать. Іоасафъ и нѣкоторые изъ стариковъ этимъ рѣшеніемъ остались довольны; новый пастырь поселился въ слободѣ Вылевой, въ двадцати верстахъ отъ Вѣтки. Вѣтковцы публично хоть и не отвергали Іоасафа, но въ насмѣшку называли его Асапомъ. Нынѣшніе перекрещиванцы въ оправданіе свое говорятъ: вотъ-де хоть и добрый былъ Іоасафъ, но посвященіе его отъ новаго архіерея тогдашнимъ христіанамъ было сомнительно; тѣмъ болѣе надо удаляться нынѣшняго священства.

Какъ бы то ни было, но послѣ смерти Косьмы Іоасафъ, черезъ неоднократныя народныя просьбы, сдѣлался его преемникомъ въ Вѣткѣ. Іоасафъ былъ первый рукополо-

женецъ отъ новаго архіерея по старымъ книгамъ; Іоасафу же первому пришла мысль создать въ Вѣткѣ алтарь для приношенія безкровной жертвы. Это предпріятіе было радостно принято народомъ, и церковь въ короткое время была построена, но за кончиною Іоасафа не была освящена.

За Іоасафомъ слѣдовалъ нѣкто Ѳеодосій, разстриженный черный попъ изъ города Рыльска. Ѳеодосія неоднократно увѣщевалъ патріархъ Іоакимъ, но напрасно,—вслѣдствіе чего Ѳеодосій былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кириловъ монастырь подъ начало, откуда раскольники его похитили и увезли въ Керженецъ, а оттуда въ Калугу. Но какъ на Вѣткѣ въ то время нужда была въ священникѣ не только относительно освященія церкви, но, главное, въ таинствѣ евхаристіи, то Ѳеодосій, бывшій тогда въ Калугѣ, на великой четвертокъ, въ пустой церкви, заложа въ запасъ агнецъ, отправилъ литургію, и тѣмъ, вмѣсто тѣла и крови Христовой, всюду продовольствовалъ народъ. А вѣтковцы, собравшись съ просьбами и моленіями, взяли этого разстригу на Вѣтку, и опредѣлили предводителемъ душъ своихъ. Этотъ Ѳеодосій, принявъ къ себѣ роднаго брата своего, бѣлаго попа Александра, первый сдѣлалъ реформу въ поповщинѣ, чтобъ, по примѣру Іоасафа, при-

нимать поповъ новаго посвященія. Съ этого времени открылся путь къ тому разрыву, который раздѣляетъ раскольниковъ на двѣ части: поповщинцевъ и безпоповщинцевъ.

Ѳеодосій, получа правленіе, почелъ вопервыхъ за долгъ свой довершить неоконченную церковь. Распространя ее въ длину и ширину, онъ украсилъ ее иконостасомъ; а потомъ съ братомъ своимъ Александромъ, да съ бѣглымъ же изъ Москвы попомъ Григорьемъ, безъ діакона освятилъ оную въ 1695 г. на ветхомъ антиминсѣ, украденномъ изъ одной церкви старицею Маланьею Бѣлевскою, который и подписанъ уставщикомъ Аѳанасіемъ слѣдующимъ образомъ: «Освятися олтарь Господеви Богу священноинокомъ Ѳеодосіемъ, и проч.»

Въ то же время явилось много ересіарховъ изъ губерній Нижегородской, Новгородской, Псковской и другихъ краевъ. Даже Сибирь, какъ далеко ни отстояла отъ главнаго гнѣзда раскола, и та переполнилась лжеучителями самыми закоснѣлыми, неистовыми, дышущими непомѣрною злобой къ православію. Изъ этихъ лжеучителей особенно замѣчатены были: Оська Астоменъ (изъ армянъ, сосланный въ 1658 году изъ Казани въ Енисейскъ), Яковъ Лепехинъ, монахъ Авраамъ, монахъ Капитонъ, попъ Дометіанъ, Васька Шапошниковъ и другіе, сосланные

въ ссылку. Варварскіе и безчеловѣчные поступки ихъ доходили до высшихъ ужасовъ, которымъ съ трудомъ можно вѣрить, еслибъ объ нихъ не свидѣтельствовали самовидцы и притомъ такіе, которымъ невозможно не вѣрить. Такъ Игнатій, митрополитъ сибирскій, въ 3-мъ посланіи своемъ, и святый Димитрій, митрополитъ Ростовскій, въ «Розыскѣ», въ 3-й части, въ 12 главѣ, говорятъ, что нѣкій пустынникъ чародѣй, вынувъ изъ новорожденнаго младенца сердце, изсушеннымъ изъ него порошкомъ, мечталъ предѣлы вологодскіе и каргопольскіе къ отступленію отъ церкви привести. Но потомъ, устрашась преслѣдованія, бѣжалъ въ Поморье и укрылся въ Палеостровскомъ монастырѣ, гдѣ содержался Павелъ. Обо всемъ этомъ открыто черезъ затворника, у него бывшаго. Къ этому изувѣру набрело много съ разныхъ сторонъ народу. Корнилій, митрополитъ Новгородскій, послалъ нѣсколько духовныхъ и мірскихъ лицъ для увѣщанія безумцевъ. Но посланные, кромѣ ругательствъ на все христіанство, ничего не получили, и упрямцы всѣ безъ остатка передъ ихъ же глазами сожглись. Иванъ Филиповъ, настоятель Выгорѣцкаго монастыря, принадлежавшій самъ къ расколу, повѣствуя объ этомъ происшествіи, хотя и умалчиваетъ о волхвованіи

еретика, однако пишетъ о страдальцахъ своихъ (то есть о самоубійцахъ), что было-де въ Полеостровскомъ монастырѣ сжегшихся болѣе тысячи человѣкъ. Въ сибирскихъ же краяхъ исторіи сожигательства въ разныхъ мѣстахъ были еще ужаснѣе. Славный уставщикъ того же Выгорѣцкаго скита, Трофимъ Петровъ говоритъ: «на другой годъ послѣ полеостровскаго огня, по Сибири несравненно болѣе сгорѣло, и за множествомъ погибшихъ, и приблизительно число людей опредѣлить трудно.» Игнатій же митрополитъ разсказываетъ еще болѣе ужасную исторію. Нѣкто чернецъ, прозываемый Иванище, жившій около Тюмени, получа отъ единомышленника своего Дометіана запросъ такого содержанія: «что прикажешь дѣлать съ тѣми, кои толпами просятъ втораго неоскверняемаго крещенія огнемъ?» отвѣчалъ: заваривши кашу не жалѣй масла. Злодѣй, по полученіи такого отвѣта, приготовилъ множество смоляныхъ, селитряныхъ и другихъ горючихъ веществъ, соорудилъ костеръ и убѣдилъ бѣдныхъ невѣждъ къ мнимому мученичеству, которые передъ глазами людей, присланныхъ на увѣщаніе Павломъ, митрополитомъ сибирскимъ, всѣ до одного сгорѣли. По свидѣтельству Игнатія и св. Димитрія ростовскаго, сгорѣвшихъ было до 1700 человѣкъ. Еще

одинъ писатель того времени говоритъ, что онъ былъ самовидѣцъ, какъ въ Новогородской области многіе въ могилы живые погребались, и тако живота своего бѣднѣ лишалися. А въ нижегородской области многія тысячи огнемъ въ овинахъ и въ избахъ сгорѣли; въ лѣсахъ же, противъ Нижняго, на луговой сторонѣ, въ морильняхъ, отъ своихъ учителей запертые съ съ голоду помирали. Хотя подобныхъ происшествій много разсказано нашими писателями, но еще болѣе ихъ находится въ собственныхъ раскольничьихъ рукописяхъ. Въ слѣдующей статьѣ мы будемъ говорить о первомъ раздѣлѣ раскольниковъ на двѣ секты, то есть поповщину и безпоповщину.

Посмотримъ же теперь какія послѣдствія принесла вѣтковская церковь, основанная разстригою Ѳеодосіемъ и имъ же освященная безъ діакона, безъ архіерейскаго благословенія, которое по правиламъ необходимо. Вскорѣ произошло слѣдующее. Изъ первоначальныхъ основателей раскола, о которыхъ мы упоминали, многіе померли, другіе разбрелись по разнымъ мѣстамъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ и всѣ попы стараго посвященія, бывшаго по мнѣнію раскольниковъ во время благочестія, перевелись. Явилось, слѣдовательно, новое затрудненіе и новое толкованіе о священнослужителяхъ.

Одни говорили: «послѣднее время настало, священство православное погибе на земли, и благодать хиротоніи купно съ нашими скончавшимися отцами въ небо преселилась.» Другіе, судя по нуждамъ и немощамъ своимъ, толковали дѣло иначе, именно: попы въ обществѣ необходимы; ибо безъ нихъ ни крещенія, ни брака, ни чистительныхъ молитвъ раждающимся дать нельзя, не говоря уже о большихъ таинствахъ; всѣмъ же дѣвственное житіе преходить невозможно. А потому надо принимать поповъ новаго посвященія, какъ и въ древности отъ разныхъ еретиковъ мы къ нашей православной церкви священниковъ и даже самыхъ епископовъ принимали. Эти послѣдніе толкователи даже и правило на свое толкованіе въ Кормчей книги пріискали. Но какъ первая и другая сторона остались при своемъ мнѣніи, несмотря на многіе споры, то вслѣдствіе этого учинился между старовѣрами первый раздѣлъ, то есть одни остались безъ священства, слѣдовательно и безъ всѣхъ таинствъ; другіе, по необходимости, начали набирать къ себѣ бѣглыхъ поповъ новаго посвященія, какъ бы переходящихъ отъ ересей къ благочестію.

О БЕЗПОПОВЩИНѢ.

Безпоповщина раздѣляется на пять глав-

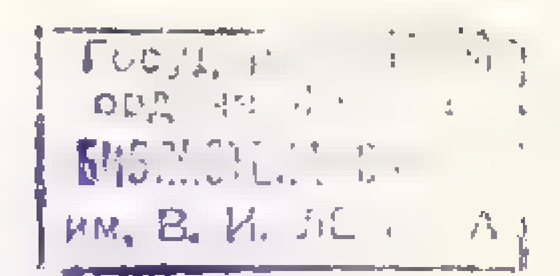
ныхъ сектъ, именно: 1) на поморянъ, 2) Ѳедосѣевщину, 3) Филипоновъ (они же сожигатели и морельщики), 4) Нѣтовщину, или спасово согласіе, и 5) Пастухово, или адамантово. Каждая изъ этихъ сектъ имѣетъ собственныя подраздѣленія, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи, а теперь упомянемъ о нѣкоторыхъ учителяхъ, слѣдовавшихъ за первыми основателями. Послѣ Никиты слѣдовали попъ Логинъ, старецъ Савватій, соловецкіе старцы Епифаній, Герасимъ Ѳирсовъ, черный діаконъ Игнатій и діаконъ Ѳеодоръ, ученики Аввакумовы; еще надо причислить къ главнымъ дѣятелямъ старца Спиридона, чудовскаго старца Авраамія и попа вязниковскаго Симеона. Всѣ они, и имъ подобные, также какъ и первоначальные учители, имѣли одинаковый духъ, направленіе и ученіе, которые разсѣвали съ достаточнымъ успѣхомъ между невѣжественными массами народа и тѣми, которые умѣли пользоваться этимъ невѣжествомъ и, главное, народными смутами.

О ПОМОРЯНАХЪ И ВЫГОРѢЦКОМЪ ИХЪ СКИТѢ.

Выше было упомянуто о коломенскомъ епископѣ Павлѣ; теперь скажемъ о его ученикахъ и наслѣдникахъ, жившихъ въ олонецкихъ и поморскихъ краяхъ. Всѣ они

почти были соловецкіе бѣглецы, именно: черный діаконъ Игнатій, Тихвинскаго Никольскаго монастыря игуменъ Досифей, Ниловой пустыни старецъ Корнилій и соловецкій же Игнатій Качановъ. Эти *учители*, разсыпавшись по упомянутымъ мѣстамъ, скитались по домамъ и селеньямъ, и кого только могли склонить и прельстить, привлекали къ своему сумазбродству. Къ этимъ лжеучителямъ присталъ наконецъ въ послушники шумскаго погоста дьячекъ Данило Викулинъ, который и былъ первый основатель безпоповщины, какъ объ этомъ говоритъ выгорѣцкій ересіархъ Андрей Денисовъ: «Что де отцу оному Игнатію многи души въ благочестіи и добродѣтеляхъ научившу, и направившу, и скончавшуся о Христѣ, осталедъ онаго общежительства Даніилъ, скитаясь по пустынямъ съ нѣкоею братіею, и мѣсто отъ мѣста премѣняя, многаго ради тогда гонительнаго волненія въ 1694 году преселился съ товарищи своими на Выгъ рѣку, гдѣ основался оный скитъ, который и называется его имянемъ, *Даниловъ Поморскій Выгорѣцкій монастырь.*»

Нѣкто Алексѣй Родіоновъ Поповъ, бывшій тогда послушникомъ Выгорѣцкаго скита, а потомъ обратившійся къ святой церкви и скончавшійся протоіереемъ въ Новгородѣ, пишетъ между прочимъ объ этомъ скитѣ слѣ-

дующее: «Есть пустыня Выгорѣцкая, отстоящая отъ Новограда къ сѣверу, чрезъ Онего озеро на 800 верстъ; отъ Онега же къ востоку на 40 верстъ у самой рѣки Выга, гдѣ рѣчка Сосновка пала въ Выгъ рѣку; а Выгъ оттуда течетъ къ сѣверу и впадаетъ въ Сѣверное море Окіанъ. Сія пустыня называется и Выгорѣцкій раскольническій монастырь, который построенъ въ царство государя Петра Великаго, а въ коемъ году, то сказать не знаю. Изъ того монастыря всегда выходили, и до нынѣ выходятъ, лжепророки и лжеапостоли, преобразующеся въ Апостоловъ Христовыхъ, учаще яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка. Первый изъ таковыхъ учителей, строитель монастыря того Даніилъ Викулинъ, бывшій дьячекъ, ходя по погостамъ и волостямъ, какъ волкъ тяжкой, всѣ домы развратилъ ученіемъ бѣсовскимъ: ибо училъ, что сія вѣра православно-каѳолическая не есть православная, но еретическая; святое крещеніе, отъ самаго Христа во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа уставленное, которымъ вси православніи отъ апостольскихъ времянъ даже до нынѣ крещаются, называлъ онъ еретическимъ, и что сіе крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе, и для того всѣхъ перекрещивалъ; церковь Божію называлъ домомъ Антихристовымъ;

самаго Христа во святой церкви, подъ видомъ хлѣба и вина сущаго, называлъ Антихристомъ; триперстное во имя святыя Троицы сложеніе, которымъ вси православные христіане, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и во всемъ четыреконечномъ мірѣ, по преданію святыхъ апостолъ всегда чрезъ тысячу лѣтъ и семь сотъ лѣтъ знаменалися, онъ называлъ печатію антихристовою; крестъ святый четвероконечный, знаменіе Христово, онъ ругалъ кумиромъ и мерзостію запустѣнія, стоящею на мѣстѣ святѣ. И такимъ злоученіемъ всѣ домы православныхъ христіанъ развратилъ, весь Олонецкій уѣздъ уловилъ и поглотилъ, и много богатства собралъ.»

Здѣсь кстати можно замѣтить, что раскольники къ симъ основателямъ питаютъ такую привязанность, что, напримѣръ, этого безобразнаго Данилу, Андрея Денисова и нѣкоторыхъ другихъ за святыхъ почитаютъ. У рѣдкаго поморянина не встрѣтишь ихъ изображеній; и хотя изображенія эти пишутся безъ вѣнцовъ, но къ нимъ имѣютъ особливое почтеніе.

Поморскій скитъ увеличился и вошелъ въ славу при преемникахъ перваго основателя, Андреѣ и Семенѣ Денисовыхъ, изъ которыхъ первый, таскавшись по Россіи по разнымъ городамъ, разными пронырствами и

хитростію подбился въ Кіевѣ къ ректору тамошняго училища. Ректоръ, обучивъ Андрея Денисова грамматикѣ и реторикѣ и, сверхъ того, снабдивъ разными семинарскими сочиненіями и проповѣдями, отпустилъ. Тогда, пользуясь нѣкоторыми знаніями, Андрей Денисовъ началъ лжеучительствовать, и множество народа обратилъ въ свою ересь, а себѣ составилъ большое состояніе. Братъ Андрея, также таскаясь съ своею проповѣдью, попалъ было въ руки Іова, митрополита новгородскаго, и былъ въ домѣ его четыре года подъ стражею; но по смерти Іова, подкупя сторожей, бѣжалъ въ свое гнѣздо, то есть въ Даниловъ скитъ. На прибытіе сего бѣглеца Андрей Денисовъ сочинилъ и сказалъ передъ братствомъ пестросплетенное похвальное слово, содержаніе котораго было слѣдующее: Богъ вскорѣ сотворитъ отмщеніе за своихъ избранныхъ; вотъ де архіерей за то и умеръ, что Семена Денисова подъ стражею на увѣщаніи держалъ.

Оба брата Денисовы жили вмѣстѣ и упражнялись въ льстивыхъ своихъ сочиненіяхъ. Семенъ написалъ двѣ исторіи: одну о взятіи Соловецкаго монастыря при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и о избіеніи мятежниковъ (по мнѣнію ихъ мучениковъ), другую о страдальческой кончинѣ собратій своихъ, начи-

ная съ Аввакума, которые за бунты были казнены. Сочиненіе это Денисовъ увеличилъ ложными и баснословными подвигами и чудесами казненыхъ бунтовщиковъ, чтобъ уподобить ихъ древнимъ святымъ мученикамъ, а государей нашихъ Неронамъ, Деоклитіанамъ и другимъ гонителямъ христіанства. Съ братомъ своимъ Андреемъ, Семенъ Денисовъ сочинилъ и поморскіе отвѣты къ іеромонаху Неофиту, присланному къ нимъ на Петровскіе заводы по именному повелѣнію Петра 1-го. Эти отвѣты были ведены довольно хитро, такъ что болѣе слабаго человѣка, чѣмъ Неофитъ, пестротою льстивыхъ словъ они могли привести въ заблужденіе. Сочиненія Денисовыхъ достойны примѣчанія единственно потому, что авторы были не совсѣмъ невѣжи, какъ вообще весь этотъ сонмъ, но обладали кое-какими, хоть первоначальными знаніями. Вотъ почему и отвѣты ихъ Неофиту кажутся мѣстами не совсѣмъ глупыми и нелѣпыми. Ктому же, по разнесшейся славѣ о Денисовыхъ, къ нимъ въ короткое время натаскали со всѣхъ концовъ множество старыхъ книгъ, иконъ и прочихъ церковныхъ вещей, что отчасти могло свидѣтельствовать о мнимой правдѣ; ибо лжеучители говорили, что всѣ эти вещи нынѣ въ стятой церкви не въ почтеніи и отвержены. Естественно, что всякаго ново-

приходящаго, простаго человѣка, этимъ смутить и прельстить было не трудно. Въ рукахъ этихъ ересіарховъ было не мало книгъ, подписанныхъ руками благочестивыхъ особъ царской фамиліи, царевенъ, князей, княгинь, патріарховъ и т. п.; было множество иконъ, напрестольныхъ крестовъ, старинныхъ евангелій, съ подписями мѣстъ, богатой утвари, которымъ нельзя нигдѣ быть иначе какъ въ знаменитыхъ мѣстахъ. какъ добывались и получались всѣ эти вещи—угадать не трудно. Лицемѣрные поступки, низкіе поклоны, ложное смиреніе, деньги, иногда даже воровство—вотъ источникъ для добычи подобныхъ рѣдкостей. Къ сожалѣнію нашему, все упомянутое достали раскольники себѣ изъ нашихъ церковныхъ библіотекъ и ризницъ, ежели гдѣ не покупкою, то на обмѣнъ и обманъ. Далѣе мы укажемъ на нѣкоторыя вещи, какимъ образомъ онѣ были пріобрѣтаемы.

Такъ обогатился Выгорѣцкій скитъ, и еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія содержалъ на своемъ иждивеніи до двухъ тысячъ мужескаго пола душъ и до тысячи женскаго. Ненасытное лихоимство и, вслѣдствіе того, гнусные обманы были обычными дѣйствіями этого братства. Одинъ богачъ, петербургскій купецъ Матвѣй Епифановъ Позняковъ, попавшійся въ ихъ сѣть по своей простотѣ и

довѣрчивости, сколько ни жертвовалъ прихотямъ поморской братіи, посылая ежегодно все потребное для содержанія, какъ-то: муку, масло, крупу, воскъ, ладанъ, сукно, холстину и деньги для уплаты подушныхъ податей и другихъ потребностей, но и тѣмъ не могъ удовольствовать *иноковъ*: ибо они желали воспользоваться всѣмъ его состояніемъ; для чего подманили наконецъ бѣднаго старика, подъ видомъ святости, къ себѣ на Святую недѣлю, для богомолья. Позняковъ на Страстной недѣли, въ самую распутицу, несмотря на свои преклонные годы, забравъ все имѣніе, выключая дома, отправился въ путь. Пріѣхавъ въ скитъ, онъ вскорѣ скончался; никто изъ слугъ, пріѣхавшихъ съ Позняковымъ, во время болѣзни его не былъ къ нему допущенъ для присмотра, подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ они были не просвѣщенные раскрещиваньемъ. О кончинѣ мужа увѣдомили жену съ приложеніемъ письма, которое передъ кончиною умѣли у него выманить. Въ письмѣ было сказано, чтобъ ни жена, ни родственники отъ Поморскаго скита имѣнія его, покойнаго, не требовали, ибо, какъ пріобрѣтеннымъ, онъ, Позняковъ, всѣмъ распорядился еще при жизни. Этотъ одинъ изъ множества примѣровъ мы привели для того, чтобъ показать, какими средствами составлялось богатство Поморскаго скита.

Обратимся опять къ основателямъ его. Изъ бѣглецовъ, по объявленію самихъ поморянъ, нѣкто старецъ Авраамій принесъ съ собою изъ Соловокъ запасные дары, которые и служили при нуждѣ вмѣсто Тѣла и Крови Христовой. Когда же увидѣли, что древніе дары (такъ они ихъ называли) уменьшаются и могутъ наконецъ совсѣмъ исчезнуть, то упомянутый еретикъ, разведя въ квашнѣ тѣсто, всыпалъ въ оное остальныя крошки своего агнца, испекъ новые хлѣбы, которые отъ вложенныхъ крохъ будто бы сдѣлались новою евхаристіею, и напутствалъ ими въ часъ смерти, вмѣсто страшныхъ Христовыхъ Таинствъ. Въ послѣдствіи времени и эти хлѣбы оскудѣли, и ихъ сподоблялись только люди, подававшіе милостыню червонцами. Усерднѣйшіе богачи изъ поморянъ, за обильныя жертвы въ монастырь, заблаговременно запасались на часъ смертный этими крошками. Но чтобы вновь замѣсить хлѣбы и на этихъ остаткахъ, такого искусника впослѣдствіи не отыскалось.

Тѣ же основатели Поморскаго скита, потолковавъ, что вѣра, таинства и церковь погибли на землѣ; что Антихристъ пришелъ, и что въ книгахъ краткое царствованіе его назначено вѣрно, принялись за свою ариѳметику, начали вычислять, и наконецъ назначили самый день и часъ, когда Христу

надобно придти, чтобъ судить живыхъ и мертвыхъ; бѣдные забыли, что Христосъ сказалъ: «нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта» и еще: «о дни томъ и часѣ никто же вѣсть, ни Ангели.» Но поморцы, какъ одержимые горячкою, принялись рыть могилы и готовить гробы, надѣли на себя саваны и, лежа, ждали пришествія Господа на облакахъ. Но когда назначенный срокъ миновалъ, то со стыдомъ и разстались съ своими могилами; посмотрѣли на солнце, такъ ли оно течетъ и свѣтитъ, какъ прежде, и не сдѣлалось ли какого замѣшательства. Но солнце свѣтило попрежнему и все было постарому въ природѣ. Почему и принялись суевѣры опять за братскую свою кашицу и лѣстовки (четки) съ подручниками (лоскутъ войлока, или подушка, которую кладутъ подъ руки на землю, во время поклоновъ). Конечно это была комическая сторона дѣла, но она ярко показываетъ невѣжество раскольниковъ и полное непониманіе священнаго писанія.

За этими обманщиками слѣдовали главные выгорѣцкіе настоятели и учители: уставщикъ Петръ Прокофьевъ, Иванъ Филипповъ, Леонтій Ѳедосѣевъ, Мануила Петровъ, Стахій Осиповъ, Никифоръ Семеновъ и Андрей Борисовъ.

Всѣ эти поморскіе лжеучители, какъ от-

вращеніемъ отъ церкви, такъ равно хитростями и пронырствомъ, другъ другу мало въ чемъ уступали. Главное ихъ ученіе состояло вопервыхъ въ томъ, что приходящихъ отъ святой церкви къ ихъ ереси необходимо вторично крестить; вовторыхъ, вѣрить несомнѣнно, что Антихристъ народился и царствуетъ уже невидимо, то есть духовно, что истребилъ онъ всѣ церкви, и всѣ таинства и всякую святыню; втретьихъ, о здравіи государей не молиться; вчетвертыхъ бракъ отвергать; впятыхъ, изъ двухъ частей сложеный крестъ Христовъ ругать, называя его печатію Антихристовою, кумиромъ и мерзостію запустѣнія; вшестыхъ, имѣть склонность къ самосожженію и вообще къ самоубійству, и считать послѣднихъ за святыхъ страдальцевъ; вседьмыхъ, на трисоставномъ крестѣ не дѣлать надписи: «Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій», какъ по словамъ самовидца, святаго Богослова, обрѣтающимся въ Евангеліи, сіи титла были написаны; а болѣе всего де четырьмя литерами подъ титлами того дѣлать не подобаетъ: «се бо, говорятъ поморяне, ересь латинская, Никономъ нововнесенная; надписывати же подобаетъ: Царь славы ІС. ХС., Сынъ Божій, какъ вовремя благочестія въ Россіи до Никона дѣлали».

Өеодосѣевщина.

Первымъ начальникомъ өеодосіевскаго толка былъ, какъ сказано нами выше, церковный дьячокъ Өеодосій Васильевъ, по перекрещеваніи названный Діонисіемъ, который въ 1706 или 1707 году отступилъ отъ Выгорѣцкаго скита и первый основалъ новое сборище.

Были двѣ причины разрыва Өеодосіанъ съ Поморянами. Первая та, что поморяне отвергаютъ съ Креста Христова титлу, написанную Пилатомъ, т. е., I. Н. Ц. I.; вторая, что поморяне, покупая на торгу *брашно*, не очищаютъ его молитвою, какъ оскверненное.

Заонежскій ораторъ, Андрей Денисовъ, желая прекратить несогласія, писалъ къ Өеодосіанамъ увѣщательное посланіе, въ которомъ, сожалѣя объ отступленіи ихъ, оправдывалъ Поморянъ. Но все было тщетно и новые лжеучители разсѣвались какъ по олонецкой области, такъ равно по новгородской и въ псковскомъ краю, и умножали Өеодосіянское ученіе.

Мы уже говорили, что Поморяне между прочимъ ученіемъ своимъ толковали, чтобъ во всѣхъ службахъ и моленіяхъ своихъ о здравіи государей нашихъ Богу не молиться. Одинъ изъ Поморянъ, прозываемый *кругля-*

колѣ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоановны, по личнымъ неудовольствіямъ, въ отмщеніе за обиду, донесъ объ этомъ въ С.-Петербургъ. Для изслѣдованія дѣла немедленно была отправлена коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Самарина. Самаринъ, прибывъ къ монастырю, тотчасъ же произвелъ слѣдствіе и нашелъ доносъ справедливымъ, потому что во всѣхъ служебныхъ книгахъ, гдѣ стояло царское имя, мѣста были вытерты или заклеены. Однако коммиссія, при маломъ сопротивленіи, убѣдила Поморянъ, чтобъ они ввели у себя въ употребленіе правило—молиться за государей, въ чемъ Поморяне и дали письменное обязательство. Правда, къ облегченію дѣла много способствовало и то обстоятельство что нѣкоторые изъ Поморянъ до прибытія еще коммиссіи объ этомъ толковали и говорили, что Апостолъ Павелъ и святой Златоустъ велятъ за царей, хотя бы они были и невѣрные, молить Бога. А что поморяне до сихъ поръ отступали отъ этого, тому причиною они поставляли свое невѣжество. Несмотря однакоже на благопріятныя условія для коммиссіи, при въѣздѣ ея, Поморяне, по безумному обычаю своему, едва было не сожглись; потому что во всѣхъ кельяхъ и всюду были готовы зажигательные снаряды. За спасеніе свое поморяне

были обязаны Андрею Денисову, бывшему тогда еще въ живыхъ, который, ходя по братіи и сестрамъ, всѣми силами своего красноречія уговаривалъ ихъ воздержаться отъ пагубнаго рѣшенія, въ чемъ и успѣлъ.

Не такъ счастливо кончила коммиссія возложенное на нее порученіе относительно Өеодосіанъ. Когда Өеодосіане услышали, что поморяне уже молятъ Бога о здравіи государя, всѣ страшно и съ озлобленіемъ возстали противъ этого нововведенія. Өеодосій Васильевъ возмутился болѣе всѣхъ и велѣлъ Поморянъ еретиками называть и ни въ чемъ съ ними не сообщаться и не согласоваться. «Не хотимъ, не хотимъ—кричалъ онъ—принимать нововводства, отвержемъ ересь...» Өеодосіевцы огласили, чтобъ Поморянъ самарянами называть, потому что Самарину повиновались, а не пострадали.

Өеодосіанская секта сильнѣе и обширнѣе всѣхъ другихъ. Москва, Петербургъ, Новгородъ, Псковъ, многіе другіе города и Сибирь переполнены послѣдователи этого ученія.

Въ 1771 году въ Московской губерніи, во время свирѣпствовавшей, тогда чумы, Өеодосіане задумали и въ древней столицѣ основать монастырь на подобіе поморскаго скита. Дѣло это требовало большой изворотливости, хитрости и разумѣет-

ся пожертвованій. Чтобъ удобнѣе достигнуть своего намѣренія, Өеодосіане прибѣгнули къ свѣтскому правительству и просили, подъ видомъ усердія и любви къ ближнимъ, дозволить имъ устроить карантинный домъ съ кладбищемъ, на построеніе котораго отъ казны ничего не требовали, обѣщаясь все сдѣлать на свой счетъ. Все это было дозволено и отведена была земля въ селѣ Преображенскомъ, при рѣчкѣ Хапиловкѣ, которая и служила имъ Іорданомъ во время крещенія и перекрещеванья. Московскій архіепископъ Амвросій, узнавъ объ этомъ, покусился было остановить это дѣло; но попытка дорого обошлась благочестивому пастырю. Онъ палъ жертвою безумнаго изувѣрства, и однимъ изъ главныхъ убійцъ его былъ раскольникъ Өеодосіевской секты Иванъ Дмитріевъ.

Өеодосіане въ самое короткое время построили огромный домъ со всѣми службами, подъ видомъ вспомоществованія бѣднымъ и осиротѣлымъ отъ мора, объявивъ, что такимъ де лучше жить у насъ, нежели въ казенныхъ карантинныхъ домахъ. Но въ дѣйствительности это была не болѣе какъ одна лишь приманка, одинъ лишь обманъ.

Народъ, узнавъ объ этомъ, набѣжалъ изъ Москвы, спасаясь отъ страшной болѣзни, въ великомъ множествѣ въ новую обитель, такъ

что даже всѣ сараи, чуланы и шалаши едва могли вмѣщать въ себя больныхъ; многіе валялись на кладбищѣ, на холоду. Строенія кладбищенскія для новоприходящихъ росли, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Осиротѣлые разнаго званія московскіе обыватели, оставляя пустыми свои дома, прибѣгали къ Ѳеодосіанамъ подъ покровительство толпами, принося съ собою деньги и имущество, которыя вмѣстѣ съ жизнію вручали лжеучителямъ. Ѳеодосіяне никогда не имѣли лучшаго случая къ перекрещеванью народа, какъ въ то время, когда бѣдные пришельцы, будучи въ ихъ власти, отъ печали и болѣзней своихъ не могли имъ сопротивляться, но должны были исполнять ихъ волю. Купели, кадки и чаны были разставлены во всѣхъ сараяхъ, и лежащіе при смерти всѣ были оглашаемы къ перекрещеванью; сопротивляющихся же тому ѳеодосіанскіе служители поднимали съ одровъ за руки и за ноги, и насильно больныхъ въ воду погружали. И Богу одному только извѣстно, сколько такихъ новокрещенцовъ вынуто изъ воды безъ дыханія. Такимъ образомъ Ѳеодосіане подъ именемъ кладбища основали въ Москвѣ свой монастырь, который, по окончаніи моровой язвы, устроили и расположили по своему вкусу. Все было у Ѳеодосіянъ, но недоставало одного для новоустроенной оби-

тели,—недоставало устава и чиносодержанія монастырскаго, древлеотеческаго, какъ они говорятъ. Чтобы пополнить этотъ важный недостатокъ, рѣшили они, съ общаго приговора главныхъ отцевъ своихъ и попечителей, взять за образецъ уставъ поморскаго Выгорѣцкаго скита, то есть уставъ отступниковъ, какъ они называли поморянъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія, Илья Алексѣевъ Ковылинъ, какъ главный всему дѣлу заводчикъ, съ нѣкоторыми отборными послушниками отправился въ Поморье. Осмотрѣвъ весь порядокъ и чиносодержаніе, Ковылинъ выпросилъ себѣ точное всему описаніе. Поморяне нетолько въ этомъ посланному не отказали, но еще вмѣнили себѣ въ честь, что столь строгіе и гордые ѳеодосіане согласились заимствовать у нихъ образъ жизни. Несмотря однако на самый благосклонной и радушный пріемъ со стороны Поморянъ, Илья Алексѣевъ строго охранялъ себя отъ сообщенія съ ними не только въ молитвѣ, но въ пищѣ и питьѣ; даже воду изъ поморскаго колодца доставалъ своимъ черпаломъ, и тѣмъ конечно доказалъ, какъ Ѳеодосіане непріязненны къ Поморянамъ за моленье о царѣ.

Такимъ образомъ изъ поморскихъ дебрей пришолъ къ Ѳеодосіанамъ законъ, по правиламъ котораго они все и учредили у себя

въ новопостроенной часовнѣ. Но напередъ надлежало эту часовню украсить иконами, на подобіе поморской. Иконъ собственно было довольно, но недоставало большихъ мѣстныхъ образовъ, особливо древнихъ, которые бы темнотою красокъ представляли важность стародавней ѳеодосіанской вѣры и тѣмъ бы слабоумныхъ новоприходящихъ никоніанъ поражали. Илья Алексѣевъ жилъ прежде на Неглинной рѣчкѣ, близъ Кузнецкаго Моста, въ приходѣ церкви святыя Анастасіи (нынѣ церкви этой уже не существуетъ) въ которую хоть и никогда молиться не хаживалъ, но зналъ, что церковь эта при благолѣпіи своемъ, отъ старинныхъ строителей снабжена прекрасными и дорогими (въ своемъ родѣ) древними большими мѣстными иконами, подобными тѣмъ, какія находятся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Илья Алексѣевъ не упустилъ случая познакомиться съ священникомъ упомянутой церкви, приласкалъ причетниковъ и предложилъ, что ежели они отдадутъ ему тѣ иконы, то онъ имъ дастъ денегъ, а иконы замѣнитъ точно такими же, но лишь новаго письма. Священникъ, по бѣдности прихода, польстился на предложеніе, взялъ деньги, отдалъ иконы, и новыя на ихъ мѣсто поставилъ. Скоро это однакоже было открыто; священникъ въ своемъ поступкѣ

сознался и былъ лишенъ священства. Илья Алексѣевъ неизвѣстно куда-то на то время скрылся. Дѣло въ сенатѣ было рѣшено тѣмъ, что продавецъ законно наказанъ, покупщикъ не отысканъ, а иконы, по доказательствамъ Ѳеодосіанъ, во время какого-то небывалаго пожара сгорѣли, но въ дѣйствительности очутились въ Преображенскомъ, опять на своемъ мѣстѣ, невредимыми. Въ народѣ же былъ пущенъ преображенцами слухъ, что будто бы иконы эти изъ Успенскаго собора, которыя въ нижнемъ ряду стоятъ, и куплены будто бы тогда, когда въ соборѣ была возобновляема стѣнная живопись, и онъ находился въ то время безъ иконъ. Многихъ это смутило; многіе, изъ простаго народа особенно, и теперь этой выдумкѣ еще вѣрятъ.

Ѳеодосій Васильевъ крещивалъ въ священническихъ поручняхъ; послѣдователи его этого не дѣлали. За покупаемую на общихъ рынкахъ провизію, Ѳеодосіане, какъ уже было упомянуто, опредѣлили полагать по сту поклоновъ, а для того, чтобъ во время молитвы благодать удобнѣе въ горшки входила, провертывали въ печахъ дыры. Вотъ до какого комизма доводитъ человѣка суевѣріе и невѣжество.

Ѳеодосіане чужимъ иконамъ не молятся, да и свои по возможности отъ постороннихъ

скрываютъ. Одинъ солдатъ однажды полюбопытствовалъ посмотрѣть ихъ богослуженіе. По окончаніи службы въ часовнѣ, онъ поклонился лежащей на аналогіи иконѣ и поцаловалъ оную. Ѳеодосіане оцѣпенѣли отъ страха, думая, что брадобривца за такое прикосновеніе огнь отъ иконы попалитъ. Но какъ все обстояло благополучно, то вообразили они, что окаянный солдатъ своимъ лобзаніемъ присутствующую благодать прогналъ, за что опредѣлили ту икону отлучить отъ часовни, или въ огонь бросить. Но Илья Алексѣевъ удержалъ отъ этого своихъ изувѣровъ. Онъ приказалъ тотчасъ же подать свѣжей воды, которою обмывъ образъ и отеревъ его полотенцемъ, опять поставилъ на свое мѣсто, и, собравъ братію, соборнѣ положилъ начало и нѣсколько еще поклоновъ, — чѣмъ будто бы возвратилъ отогнанную нечестивцемъ благодать. Разумѣется, что со стороны Ковылина это была удачная выходка, потому что на вопросъ одного священника, для чего онъ это сдѣлалъ и надо ли было это? отвѣчалъ: «велика есть добродѣтель, чтобъ не подать ближнему соблазна; а нашимъ, совѣстію немощнымъ, всегда потребно снисхожденіе.» Изъ этого ясно, кажется, какъ учители умѣли держать своихъ послушниковъ въ невѣжествѣ, чтобъ черезъ просвѣщеніе не откры-

лись обманы. А слѣпцы-послушники, по предубѣжденію, признавали обманщиковъ за людей священныхъ, ввѣряя имъ нетолько церковную службу, но и самыя души свои. Мужикъ самозванецъ владѣетъ у нихъ ключами вязанія и рѣшенія, которые принадлежатъ однимъ лишь законопризваннымъ и и освященнымъ.

Но какъ ни послушны и ни привержены эти овцы къ своимъ пастырямъ, однако умѣютъ и сами надъ ними власть свою оказывать. Они ихъ судятъ, отлучаютъ и извергаютъ, какъ то, напримѣръ, случилось въ 1778 году въ Петербургѣ. Одного наставника осудили архіерейскими и іерейскими правилами, взятыми изъ Кормчей книги, и отъ чина отлучили слѣдующимъ порядкомъ. Лѣтъ за сорокъ до этого въ Петербургѣ было не болѣе 7—8 человѣкъ Ѳеодосіанъ. Это малое стадо выбрало себѣ въ наставники и духовники одного праздношатающагося и безграмотнаго мужика, который, научившись кое-какъ читать, справлялъ у нихъ всю церковную службу, и начальствовалъ болѣе тридцати лѣтъ. Но когда ѳеодосіанское общество возрасло до тысячи душъ, и даже болѣе, между которыми было не мало богачей и отчасти такихъ, которые понимали явное невѣжество своего наставника, всѣ его недостатки и

пороки, то, по общему совѣту, рѣшились писать въ Москву къ Преображенцамъ, то есть къ собратамъ своимъ, чтобъ они дали имъ другаго пастыря съ достоинствами и безъ пороковъ, а настоящаго по правиламъ бы судили, ибо онъ несвѣдущъ въ грамотѣ и великій сребролюбецъ. Сверхъ того крылошанъ слабо держитъ, и попустилъ имъ во всѣхъ соблазнахъ и распутствахъ; службу Божію безъ книгъ и безъ пѣнія по одной псалтырѣ, или по лѣстовкѣ въ часовнѣ правитъ; ко всякимъ мірскимъ (то есть не ихъ согласія) въ домы входитъ Христа славить, и подарки оттуда получаетъ, и за таковыхъ Бога молитъ, и за умершихъ ихъ псалтырь читаетъ; духовника для себя не имѣетъ, а исповѣдывался однажды у какого то неизвѣстнаго мужика, по справкамъ не у перекрещеванца....

Московскіе Ѳеодосіане давно желали уже столкнуть безграмотнаго учителя, и доставить кому нибудь его мѣсто изъ своихъ. Почему вскорѣ составили у себя сходку, на которую вызывали къ отвѣту петербургскаго пастуха съ тѣмъ, чтобъ, залучивъ его въ свои руки, оставить безъ возврату себѣ, а на его мѣсто послать другаго. Хоть многіе петербургскіе раскольники и поддерживали своего стараго наставника, опираясь, главное, на то, что опредѣленіе его

было не въ Москвѣ, а въ Петергургѣ; а потому онъ и не можетъ отъ своего мѣста отлучаться, но московскіе начетники на каждую вину подвели изъ Кормчей книги правила, которыя за такіе пороки отлучають и изъ сановъ извергаютъ епископовъ и священниковъ. Сдѣлавъ подобное объясненіе, выбрали изъ своей братіи Петра Ѳеодорова, польскаго наставника Ѳедота Никифорова и Илью Алексѣева, посланниками въ Петербургъ. Эти посланные, сотворивъ судъ прежняго наставника отставили, а на его мѣсто возвели новаго, къ которому однакоже не всѣ Ѳеодосіане вдругъ пристали, но лѣтъ до шести въ раздѣлѣ находились.

Филиповщина, или сожигатели и морельщики.

Въ Выгорѣцкомъ поморскомъ монастырѣ, при кельѣ Андрея Денисова находился келейникомъ мужикъ, именемъ Филипъ, ко' орый, по смерти Андрея, самъ на себя монашескій чинъ надѣвъ, захотѣлъ быть полнымъ правителемъ того мѣста, и войти на степень наставника; но за недостаткомъ ума и проворства, которые въ такихъ настоятеляхъ необходимы, ему въ томъ грубо отказали, говоря: «иноку неприлично помышлять о почестяхъ и степеняхъ и желать ихъ; а когда ты отъ всего

того при постриженіи отказался, то лучше думай о душѣ своей и о тѣхъ обѣтахъ, которые на себя принялъ.» Но не такъ думалъ Филипъ.. Онъ лучше захотѣлъ раздѣлиться съ монастыремъ, нежели оставить свое намѣреніе — быть начальникомъ. Филипъ взбѣсился, зашумѣлъ и подъ предлогомъ лучшаго храненія древней вѣры, началъ уличать Поморянъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ отступниковъ отъ православія, и тутъ-же объявилъ себя противникомъ монастырю. Филипъ, подговоривъ съ собою человѣкъ до пятидесяти, оставилъ поморскій скитъ и, отойдя верстъ 50 далѣе, построилъ новый, въ которомъ и водворился.

Нами было уже сказано выше о коммиссіи, посланной въ Выгорѣцкой скитъ подъ предсѣдательствомъ Самарина, относительно немоленія за царей. Коммиссія, осматривая раскольничьи скиты, нашла, между другими, и скитъ Филипановъ. Она пожелала узнать, что за люди живутъ въ этомъ скиту, но нашла дворъ этихъ раскольниковъ обнесеннымъ плотнымъ и высокимъ заборомъ, посреди котораго стояла большая изба съ узкими и продолговатыми окнами. Заключившіеся тамъ Филипаны, вмѣсто благосклоннаго пріема, осыпали членовъ коммиссіи ругательствами; они называли ихъ еретиками и гонителями своими и крича-

ли, что охотнѣе за старую вѣру и Христа умрутъ, нежели дадутся въ руки живые бусурманамъ и примутъ нововводство, которое плѣняло Поморянъ, то есть моленіе о царяхъ. Коммиссія, удивясь бѣшенству пустынниковъ, сколько не просила отворить вороты, но кромѣ брани и ругательствъ ничего не получила. Послѣ этого рѣшились, разломавъ, вороты войдти силою къ бѣснующимся. Но лишь принялись за дѣло, какъ увидали, что все строеніе было объято пламенемъ. Бросились къ колодцу, чтобъ достать воды для тушенія пожара, но увидали, что колодезь заметанъ дровами; отбили ворота, но встрѣтили новую стѣну, и Филипаны безъ всякой помощи передъ глазами коммиссіи въ 1742 году обратились въ пепелъ.

Ученіе Филипановъ сходно съ ученіемъ паморянъ и ѳедосіанъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще гаже, какъ напримѣръ самоубійство. Церковное крещеніе они признаютъ неправымъ, по причинѣ приложенія четвертаго аминя; бракъ отвергаютъ; перекрещенныхъ мужа и жену называютъ духовными братьями и сестрами. Вслѣдствіе чего супружеское совокупленіе совсѣмъ недопускаютъ; впавшихъ же въ оное наказываютъ эпитиміями и отлученіемъ отъ своего чистаго братства. Но при всемъ этомъ они

снисходительнѣе къ кающимся, нежели Ѳеодосіане. Крестъ Филипаны имѣютъ безъ титлы, трисоставный, то есть осьмиконечный. Иконамъ никакимъ не кланяются, кромѣ своихъ, какъ и Ѳеодосіане. Объ антихристѣ и прочемъ согласны съ послѣдними. Къ самоубійству до того склонны, что всегда справляются, гдѣ, когда и сколько сожглось, или запостилось. Старики и старухи, увидавъ какой нибудь домъ по своему вкусу, со слезами взываютъ: о хоть бы въ такомъ домѣ Богъ привелъ сгорѣть! Всякаго новоприходящаго они уговариваютъ запоститься, чтобъ поскорѣе получить вѣнецъ мученическій. Ежели кто соглашается на подобное богопротивное дѣло, такимъ заповѣдываютъ сорокадневный постъ по образу Христа Спасителя, постившагося въ пустынѣ. Но какъ знаютъ они хорошо, что шесть недѣль безъ пищи человѣкъ быть не можетъ, а непременно умретъ, то, исповѣдывавъ по требнику, сихъ несчастныхъ постригаютъ въ монашество, и, посхимивъ, запираютъ въ пустую избу; а для того, чтобъ они себя не умертвили прежде времени, снимаютъ съ нихъ всю одежду, поясъ и даже крестъ, и приставляютъ сторожей, чтобъ напоминали запащиванцамъ обѣщаніе ими принятое, сообразно Христу. Постники молчатъ

до тѣхъ поръ, пока хватаетъ силъ; но когда начнутъ ослабѣвать, то невозможно описать мученій, какія имъ приходится претерпѣвать; они тоскуютъ, тысячекратно раскаиваются, проклинаютъ день своего рожденія и соблазнившихъ ихъ, кусаютъ и терзаютъ себя; желаютъ скорой смерти, но не находятъ, потому что всѣ способы къ прекращенію жизни отняты, кромѣ голодной смерти... Жажда ихъ томитъ страшная; они просятъ хоть каплю воды, но въ отвѣтъ отъ приставовъ слышатъ: «не дастся вамъ, на дастся, да не лишитеся святыхъ вѣнцовъ мученическихъ». Наконецъ, истерзавши себя, въ неописанномъ безобразіи и отчаяніи испускаютъ духъ.

Въ старые годы, когда для прекращенія заблужденій этой секты были употребляемы строгія мѣры, то многіе изъ Филипановъ, жившіе по олонецкимъ пустынямъ, нашивали съ собою всегда за голенищемъ острый ножъ на тотъ случай, чтобы при встрѣчѣ съ объѣздомъ не отдаться живымъ въ руки, но хватить себя по горлу, и тѣмъ пріобрѣсть часть со страдальцами.

Мы могли бы привести сотни примѣровъ безумія этихъ изувѣровъ, но для образца ограничимся хоть слѣдующими:

Въ 1765 году въ Новгородской епархіи, въ Зеленецкомъ монастырѣ Филипане выг-

навъ монаховъ, сожглись. А въ Тихвинѣ въ одну церковь, при отпускѣ литургіи, на свѣтлой недѣлѣ вошелъ одинъ Филипанъ, вырвалъ изъ рукъ священника крестъ и черезъ царскія двери бросилъ его въ алтарь, говоря: «се печать Антихристова, и подобаетъ сокрушити ее, и домъ сей, яко мерзость запустѣнія низринути.» За это святотатство фанатикъ былъ взятъ и отправленъ въ Новгородъ для наказанія, чѣмъ и былъ доволенъ. Подобныя наглости и въ другихъ мѣстахъ производились.

Въ 1781 году на свѣтлой же недѣлѣ, Кіевской губерніи, въ слободѣ Злынкѣ, одинъ изъ этихъ безумцевъ перекрестилъ свою беременную жену и троихъ дѣтей, которыхъ въ туже ночь сонныхъ и убилъ, для того, чтобы новокрещенныхъ мучениковъ удобнѣе отправить въ рай. По утру же самъ пришелъ въ правленіе и, объявивъ о своемъ поступкѣ, сказалъ: «я былъ мучитель своимъ, а вы будьте мнѣ; и такъ, они отъ меня, а я отъ васъ пострадаю; и будемъ вкупѣ за старую вѣру въ царствѣ небесцомъ мученики».

Въ настоящее время о Филипанахъ ничего не слышно, и, кажется, эта безобразная секта совершенно исчезла къ благоденствію рода человѣчесваго.

НѢТОВЩИНА, ИЛИ СПАСОВО СОГЛАСІЕ.

Основатель нѣтовщины былъ безграмотный мужикъ Козма; почему и она прежде кузминовщиной называлась. Козма первый воспрещалъ Безпоповщинѣ перекрещивать, чему многіе и послѣдовали. Ученіе нѣтовщинцевъ во всемъ согласно съ предыдущими, выключая перекрещиванія, ими отвергнутаго и самоубійства, которое проповѣдуютъ Филипаны. Нѣтовцы также говорятъ, что «Антихристъ народился и наступило послѣднее время; что правой вѣры и таинствъ ея нѣтъ,—а какъ нѣтъ на землѣ святыни, то желающіе содержать старую вѣру, должны прибѣгать къ Спасу, который уже вѣдаетъ, какъ насъ, бѣдныхъ, спасти». По этому они и называютъ себя Спасовымъ согласіемъ; а нѣтовщиною потому, что нѣтъ православнаго священства и таинствъ въ мірѣ. Но при всемъ этомъ нѣтовцы къ священству склонны и желаютъ его, какъ увидимъ далѣе.

Пастухово или Адамантово согласіе.

Эта секта есть третій отпрыскъ поморянъ и филипановъ, и вообще всѣхъ перекрещенцевъ, съ которыми несогласна только въ слѣдующемъ. Основатель ея, по заявленію Поморянъ, былъ Андрея Денисова скотникъ, который пасъ монастырскую скотину и

толковалъ, въ противность Поморянъ, что Антихристъ пришелъ уже въ міръ и всѣмъ людямъ далъ свою печать. Вслѣдствіе этого, приверженцы Пастухова согласія денегъ въ руки не берутъ, ибо на нихъ изображается двухглавый орелъ, въ серединѣ котораго представленъ всадникъ, поражающій копьемъ змія; а змій де въ нынѣшнее время отъ самаго Антихриста людямъ данъ въ его образъ; ибо Антихристъ въ Апокалипсисѣ зміемъ названъ. Приходящихъ съ паспортами Пастуховцы къ себѣ не принимаютъ, потому что на паспортѣ изображена печать Антихриста; самоубійство отвергаютъ, какъ дѣло безбожное; бракъ, гдѣ бы и когда бы онъ совершенъ ни былъ, не расторгаютъ. Все это, конечно, лучше, нежели у другихъ раскольниковъ. Но забавная глупость Адамантова согласія заключается въ томъ, что они никогда не ходятъ по каменной мостовой, говоря, что «она въ Антихристово время выдумана». А потому учатъ изъ скитовъ своихъ никуда не выходить, гдѣ хлѣбъ и все нужное сами себѣ заготовляютъ; перекрещенцевъ же приходящихъ въ ихъ согласіе, опять крестятъ.

Новожены.

Нѣкоторые изъ перекрещеванцевъ замѣтили, что хоть царство Антихриста сверхъ

чаявія и продолжается, но міровой порядокъ стоитъ ни мало не нарушимъ; что общество ихъ усиливается, хоть и написано, что въ Антихристово время отступленіе отъ *истинной* вѣры умножится. Вслѣдствіе этого перекрещеванцы начали пробуждаться, начали подумывать о бракахъ и выводить новое толкованіе; стали говорить, что Богъ сотворилъ не одного человѣка, а двухъ—мужа и жену: «не добро быти единому человѣку.» А потому и убѣдились, что надобно сіе слово Божіе исполнять, надобно тайну брака имѣть и чрезъ то отъ грѣхопаденія избавиться; тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ оскверняли себя плотскою нечистотою, блудомъ, содомствомъ и тому подобными грѣхопаденіями, которыя подробно исчислять здѣсь мы не будемъ, и о которыхъ апостолъ говоритъ: «бываемая отай отъ нихъ срамно есть и глаголати». Вотъ причина, побудившая перекрещеванцевъ къ новоженству; вотъ почему вздумали они жениться. Но какъ не было и нѣтъ у нихъ священниковъ, то и прибѣгли къ нашей церкви, рѣшили вѣнчаться въ ней, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ обвѣнчашись у *еретиковъ*, придя въ свое собраніе, покаяться. Другіе пошли еще далѣе, они говорятъ: «не въ томъ де замыкается сила тайны брака, чтобъ въ церкви черезъ попа оную отправить, но по согла-

сію сочетающихся и по благословенію съ обѣихъ сторонъ родителей, Богъ увѣнчаетъ, и нашъ въ томъ недостатокъ пополнитъ». Вслѣдствіе этого, Новожены еще новую секту основали. Одни изъ нихъ вѣнчаются въ нашей церкви; другіе безъ всякаго обряда живутъ, по одному обоюдному согласію; третьи такъ или иначе женились, но раскаиваются и называютъ себя прелюбодѣями: ибо де въ нынѣшнее Антихристово время благословенія Божія на сочетавающихся получить негдѣ. И потому весьма часто разлучаются съ своими женами, а иные и вовсе бросаютъ ихъ. Филиппаны и Нѣтовщина къ Новоженамъ снисходительнѣе; Ѳедосѣевцы же и словомъ и дѣломъ сихъ беззаконниковъ отъ себя изгоняютъ. Поморяне даже по умершихъ своихъ Новоженахъ поминовеніе творятъ и псалтирь читаютъ; а Ѳедосѣевцы это дѣлать возбраняютъ.

Первый основатель этой секты былъ изъ Ѳеодосіанскаго толка Иванъ Алексѣевъ. Онъ доказывалъ, что брачное сожительство для человѣка необходимо; что предки ихъ, учившіе противному, ошибались, и что дѣвственная жизнь отдана на волю каждаго, — и то для тѣхъ лишь, кто ее можетъ соблюсти. Послѣ Ивана Алексѣева въ должность настоятеля вступилъ въ Москвѣ Ѳеодосіанецъ Гавріилъ Артамоновъ. Онъ браки новоженевъ совер-

шалъ и брачущихся исповѣдывалъ, новорожденныхъ крестилъ, умершихъ отпѣвалъ.; вотъ почему вначалѣ Новожены и назывались Гаврило-Артамоновцы, или просто—Артамоновщина. Мѣсто Гаврилы Артамонова заступилъ Василій Емельяновъ, который, переѣзжая изъ столицы въ столицу, также поступалъ, какъ и его предшественникъ.

Учители Новоженовъ вообще народъ хитрый. Причина же, побудившая ихъ выступить на защиту новоженовъ есть та, чтобъ женившійся крѣпче стоялъ въ старой вѣрѣ, потому что Новожены отъ перекрещеванцевъ страшно презираемы и считаются хуже поганыхъ. Чтобъ не привесть Новоженовъ въ уныніе, и не отвратить ихъ отъ старовѣрства, не подать повода обратиться къ нашей церкви, что многіе и сдѣлали, ибо женятся болѣе такіе, которые мягче сердцемъ и разсудительнѣе, то старики, по мнимому усердію къ Новоженамъ, а больше по ненависти къ святой церкви, вступили въ пастыри новоженскіе, не боясь, что Новоженовъ всѣ безъ исключенія ругаютъ и поносятъ.

